

СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 1 ЯНВАРЬ 1973

**ТРУДЯЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ МИРА:
ЕЕ ИСКАНИЯ, НАДЕЖДЫ, БОРЬБА**

ДЫХАНЬЕ МОЛОДОСТИ СЛЫШИТ МИР...

ОТВЕТСТВЕННЫ

**Участникам
Всемирной
встречи
трудящейся
молодежи**

Дорогие друзья!
Сердечно приветствую вас, посланцев молодого поколения людей труда, собравшихся на свою Всемирную встречу.

Отрадно сознавать, что трудовая молодежь — растущий отряд создателей материальных и духовных ценностей — все более решительно вступает на путь борьбы за осуществление требований и жизненных интересов всех трудящихся, за мир и безопасность, за национальное и социальное освобождение народов, против гнета монополий и империалистической агрессии. Это укрепляет уверенность в том, что молодежь, вливаясь в ряды рабочего движения, вступающая в профсоюзы и массовые демократические организации, способна внести важный, прямо скажем, необходимый вклад в решение исторических задач нашего времени.

Ныне мы являемся свидетелями и участниками великих перемен, живем в обстановке острой борьбы нового, прогрессивного со старым, реакционным. От молодежи семидесятых годов во многом зависит, каков будет мир и исход нынешнего тысячелетия. На плечи молодежи ложится огромная ответственность за будущее человечества, ибо будущее принадлежит молодым, оно принадлежит трудовому народу.

У людей труда, прежде всего у рабочего класса, есть испытанное оружие — сплоченность, единство действий, интернациональная солидарность. Важно, чтобы молодежь в борьбе за переустройство мира, за свои социальные и политические права примкнула к славной традиции международного братства трудящихся.

Вы собрались в столице Советского Союза накануне знаменательной даты — 50-летия образования многонационального социалистического государства. Наша революция и опыт коммунистического строительства убедительно показали, какая огромная творческая и преобразующая сила заложена в дружбе народов, какую славную роль может сыграть молодежь в единой семье трудящихся разных наций.

Участники встречи прибыли из разных частей земного шара, более чем из ста стран. Вы живете в условиях различных социально-экономических систем, представляете различные политические взгляды и убеждения. Однако у вас много общего — и не только молодость, а стремление к взаимопониманию и сотрудничеству во имя торжества идеалов свободы, равенства и счастья всех людей.

От души желаю успеха Всемирной встрече. Она, несомненно, обогатит вас новым опытом, новыми идеями, даст действенный стимул для дальнейшего развития и укрепления международного сотрудничества передовой молодежи мира.

Л. БРЕЖНЕВ

БУДУЩЕЕ

Олег СПАСКИЙ
Виктор САКК (фото)

Разговор с «Красной Звездой»

Так переводятся на русский языке ее фамилия и имя. Эстрелья Роха — ответственная за женскую комиссию в молодежном отделе КУТ (Единый профцентр трудящихся Чили).

Мы сидели в едва ли не единственном в те дни тихом уголке Дома сокзов, спрятавшись на полчке от оживления и гула многоязычной конференции, и Эстрелья рассказывала о своей судьбе.

Родилась она в рабочей семье в провинции Кокимбо на севере Чили и работать начала в девять лет. Сначала училась в вечерней школе, потом умело жила, и из школы пришлось уйти: на руках семнадцатилетней девушки остались пять младших братьев и сестер. Полной мисрой довелось хлебнуть горь, испытать все невзгоды и унижения. Стац работала в малосенькой мастерской, где занималась обжигом камней, зарабатывал немного, и старшая сестра стала главной и материальной и моральной опорой семьи.

Удалось получить место на текстильной фабрике. Это была удача. Гарантированный (хотя бы на время) кусок хлеба. Пусть при этом приходилось вести нищеское существование. Но другие не имели и этого.

Эстрелья не подыскивает слова. Говорит с выстраданном.

— Когда мы взрослые? Может быть, тогда, когда, работая на фабрике, понимаем, что к нам, рабочим, относятся точно так же, как и машинистам, как к средству получать прибыль. Какие могут быть разговоры о правах рабочих, об уважении к личности! Много ли прав у машиниста? Наверное, все это могло продолжаться и потому, что не было в то время на нашей фабрике у рабочих, в том числе и у молодых, ни надежной организации, ни духовного единства.

Я старалась учиться. Хотела расширить свою культуру. Вы знаете, в Чили, как и в Перу или Аргентине, существуют давние традиции народного искусства, фольклора, мы устраивали представления, немного зарабатывали, и это давало мне возможность посылать молодых в школу.

Шло время, обстановка в стране менялась, и вот два года назад и власти пришло правительство Народного единства. Сейчас я представляю организацию Народного единства в администрации нашей фабрики.

В чем вижу главную свою задачу? Видите ли, у многих наших молодых рабочих недостаточно высокое созна-

КОЛОННЫЙ ЗАЛ ДОМА СОКЗОВ, 10 ноября 1972 года...

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 1 [1095]
ЯНВАРЬ
1973

НАША ОБЪЕЖА: ТОКНО,
МОЛОДЫЕ ГИОНЦЫ — ЧТО ЖДЕТ
ИХ ЗАПРЯЗ

Фото Анатолия КАКУРИНА

12

**МАРШРУТЫ
БЕССМЕРТЯ
ЛЕНИНСКИЙ
МЕМОРИАЛЬНЫЙ
КОМПЛЕКС
В УЛЬЯНОВСКЕ.**

20

**ПУТЕШЕСТВИЕ
БЕЗ ПУТЕШЕСТВИЯ —
ТАВАН.**

24

**КРАСНАЯ ПАЛАТКА
И КРАСНЫЙ
МЕДВЕДЬ.**

28

**НАРОДНЫЙ
ХУДОЖНИК СССР
А. А. ПЛАСТОВ:
ЦЕНА ВРЕМЕНИ.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**50 ЛЕТ СССР,
МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ ТАДЖИКИСТАНА**

**РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ»,
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ «ИНЖЕНЕРНОСТИ»**

**КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ,
КОСТРОМСКАЯ СТОРОНА**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: В. С. Абышев, Г. П. Ежиков, А. П. Мушкетер, А. А. Лизов (ответственный секретарь), В. В. Луцкая (заместитель главного редактора), В. Г. Поборноносцев, Р. И. Ромодановский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стуков (главный художник), Ю. В. Толмашевский, В. Е. Толмашевский.

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будягина

ние, у них остался страх: они все еще опасаются бороться за свои права, по-прежнему не решаются высказывать свои требования; и потому нам еще предстоит привлечь эту часть молодежи к общей борьбе.

Я не коммунист. Я социалист, но, убежден: то общее, что нас объединяет, значительно важнее и существеннее наших разногласий. И главный враг — империализм, и мы обязаны объединять наши усилия во имя победы.

Именно в этом я вижу основную задачу Всемирной встречи трудящейся молодежи в Москве.

Для меня встреча важна и потому, что я побывала в зарубежных странах, и в частности в Англии, где социалистической страной представляется молодежи реальные условия для творческой работы, возможность учиться, интересоваться политикой. Создает условия для становления личности. И я сделала все, что в моих силах, чтобы и наши юноши и девушки смогли жить так же, как советские молодежь.

ВСТРЕЧЕНО РОХА

Звездо Роха, «Красная Звезда», была одной из нескольких сотен участников Всемирной встречи трудящейся молодежи, которая проходила в Москве в первой половине ноября прошлого года.

В Москву приехали представители 271 международной организации и молодежной секции профсоюзов из 115 стран, а кроме того, представители международных и региональных организаций.

Что привело на эту встречу молодых людей из разных стран всех континентов? Что объединяет трудящуюся молодежь различных убеждений — молодых коммунистов и христиан, социалистов и социал-демократов? Прежде всего стремление к единству всех демократических, антиимпериалистических сил в борьбе за главные интересы трудящихся, за социальные и политические права молодежи, стремление к единству перед лицом общего врага — империализма.

В приветствии участникам встречи Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркнул, что «от молодежи семидесятых годов во многом зависит, каким будет мир к исходу нынешнего тысячелетия. И даже в приветствии сказано: «У людей труда, прежде всего у рабочего класса, есть испытанное оружие — сплоченность, единство действий, интернациональная солидарность».

С целью укрепления интернациональной солидарности трудового юношества и была проведена московская встреча.

Стремительно бег времени. Черты века, штрихи, рисующие картину столетия, резки, противоречивы и разнообразны. По мнению ряда западных газет, 1972 год войдет в историю как год первой международной забастовки. В июне в Италии и Англии одновременно забастовали рабочие международного концерна «Диллон-Пирелли».

В дни Всемирной встречи я беседовала со слесарем из итальянского города Брешиа Грацино Риццини. Ему двадцать два года, работает он с тридцати лет. Сейчас Грацино —

член ЦК ИФКМ (Итальянской федерации коммунистической молодежи). По его мнению, забастовка рабочих концерна «Диллон-Пирелли», в которой самое заинтересованное и энергичное участие принимает молодежь, имеет важное значение.

ГРАЦИНО РИЦЦИНИ

— Современные империалистические монополии не ограничивают свою деятельность рамками одной страны, и поэтому забастовка на «Диллон-Пирелли», представляющая собой один из первых шагов совместной борьбы рабочих разных стран, дает тот опыт, который надо изучать и углублять в европейском масштабе. Не будем забывать, молодежь капиталистических стран живет и работает в тяжелых условиях сильнейшей эксплуатации; нас волнуют одинаковые проблемы, и именно потому мы должны объединять свои усилия в борьбе с монополиями, за свои социальные и политические права. Мы рассмотрим эту встречу как новый шаг на пути к укреплению солидарности, расширению единых действий в защиту прав юношества...

За свои права

Участники встречи познакомились с трудом, учебой и отдыхом советской молодежи, присутствовали на традиционном 35-й годовщину Январской Октябрьской социалистической революции, побывали во многих республиках и городах страны. Главным событием встречи стала международная конференция «Трудящаяся молодежь в современном обществе и ее борьба за свои права, социальный прогресс, национальную независимость в мире».

В Думе союзов работали три комиссии. В первой обсуждали положение и роль трудящейся молодежи в современном обществе, ее производство в условиях различных социально-экономических систем. Тема дискуссии во второй комиссии — «Трудящаяся молодежь в борьбе за социально-экономические преобразования, свои демократические права и свободы». И, наконец, в третьей комиссии делегаты встречи обсуждали проблемы укрепления солидарности и сотрудничества трудящейся молодежи в мире против империализма, за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс.

Участники конференции подчеркивали возрастающую роль молодежи в жизни современного общества. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. И. Тяжельников напомнил, что в нашей стране молодежь в возрасте до 30 лет составляет более половины населения. Более 12 миллионов молодых людей заняты в промышленности и строительстве, около 10 миллионов в сельском хозяйстве, 2 миллиона в сфере обслуживания. Больше всего молодежи среди рабочих на тех участках производства и в тех отраслях, где требуется наиболее высокая общеобразовательная и техническая подготовка кадров. Сейчас на наших предприятиях на каждого рабочего приходится средноточкой — 700, среди

занимают — 600, среди монтевино — 450 молодых людей.

Так же велик удельный вес молодежи на производстве и в других странах. В Чили, например, молодежь составляет более половины населения, в ГДР каждый четвертый трудящийся моложе 25 лет. В Республике Чад молодежь составляет более половины населения страны, а в Коста-Рике средний возраст восьмидесяти процентов рабочего класса страны — 25 лет.

Два мира — две юности. И если делегаты Советского Союза, Польши, ГДР, Болгарии, други социалистических стран рассказывали о всеполюсной заботе о молодежи, о тех формах правды и привилегиях, которые предоставлены молодежи, то их сверстники из капиталистических стран говорили о иной жизни.

Лаури Иквалейн из Финляндии сказал, что безработица прежде всего бьет по молодым рабочим (сорок процентов всех безработных в 1968 году составляли юноши и девушки в возрасте 15—24 лет). В Канаде, как говорил Филипп Харрисон, сорок пять процентов из полумиллиона безработных — это молодые люди до 24 лет. В Шри Ланке работа име-

первой комиссии, секретарь по вопросам молодежи Обединения немецких профсоюзов (ДФГ) Вальтер Хаас назвал поразительные цифры: «Государственные органы регистрируют ежегодно более 50 тысяч нарушений закона об охране труда молодежи. Действительное их число, по мнению экспертов и по мнению профсоюзного опроса полумиллиона».

Дискриминация в оплате труда по возрасту дополняется дискриминацией по национальным и расовым признакам. Особой эксплуатацией подвергается иностранная рабочая сила, приехавшие в западноевропейские страны из Южной Европы и Северной Африки, едва ли не на половину уменьшая заработки девушек, молодых женщин. В Аргентине, например, они получают 50—60 процентов зарплаты мужчин.

Участные встречи говорили, что уличные концерты обходят только 1/3 всех учащихся; профессиональное обучение для них недостаточно прибыльно. Лаури Тайно, представитель Союза учащихся вечерней школы Фин-

МИТИНГ НА ОБУВНОЙ ФАБРИКЕ «ПАРЖАККА КОММУНА».

ют пинать процентов молодежи. Можно было бы привести еще немало печальных цифр. Безработица — самый страшный бич, но не менее тяжело приходится и тем молодым людям, которые смогли получить работу. Эксплуатация трудящихся молодежи, говорилось в докладе ВВДА, приобретает особую тяжело и несправедливая форма: интенсификация ритма производства, узкая специализация, характерная для «конвейерного производства» системы ученичества, возмозможность выполнять юности и подросткам самую низкую заработную плату и увольнять их при первом же подвинувшемся слуху, — таковы условия труда молодежи на капиталистических предприятиях.

Выступая на одном из заседаний

УЧАСТНИКИ ВСТРЕЧИ В ГОСТИХ У МОСКОВСКИХ ШВЕДОВ.

ляндии, обратил внимание на то, что монополии стремятся доработать обученных рабочих на уровне ремесленных курсов, которые вследствие своей узости дешевы и бесполезны, — они препятствуют росту политической активности политическую борьбу, сознательность молодого рабочего. Но никакие попытки не могут задержать рост идейной зрелости трудящихся молодежи, ее включение в активную политическую борьбу, которую ведет рабочий класс. Именно поэтому растет число молодых людей, вступающих в массовые организации рабочего класса, прежде всего в профсоюзы.

Коллекция значков

Мария подарила мне целую коллекцию значков.

— Это значок нашего завода «1-й Бренский» — здесь я работаю. А эти два — на них нарисовано «келья» или кружка для молодых людей, кто участвует в техническом творчестве. «Зеленй» расшифровывается так: интерес, эффективность, увлеченность, творчество. Ну что-то вроде вашего ТМ (мы были на ВЛКСМ и видели там выставку технического творчества молодежи). Прекрасной И у нас главная цель не модели, не отдельные экземпляры для показа, но создание опытных образцов, которые поступают потом в серийное производство.

А вот еще значок — «Рефлектор молодежи», это наш «Комсомольский прожектор».

Видеть, и значки могут рассказывать о трудовой, социальной и политической активности молодежи, а ведь мысли об этом и идет речь здесь, в Москве, на этой Всемирной встрече... Мария Скальникова, двадцатилетний обязательнейший инженер-

ЭЛЕНА СКАЛЬНИКОВА

электрик — член Центрального Комитета Союза социалистической молодежи Чехословакии, она избрана в комиссию рабочей молодежи ЦК ССМ. Мария живет в Брно, отец ее — рабочий, мать — машинистка. Она проходила обучение — это первая в семье получила высшее образование.

Я о многом могу рассказать своим сверстникам, приехавшим на эту встречу. И о том, какую роль играет молодежь на нашем машиностроительном заводе, о ее правах и возможностях, о сотрудничестве с администрацией предприятия, о том, как помогают им молодым ребятам, только-только вступающим в наш городской коллектив, приобрести уверенность, стать равноправными членами бригады, участка. Могу рассказать, как проводили мы субботние смены в фонде борющихся женщин, как целой завод окрылся один процент зарплат, чтобы помочь ветеранскому народу. А может быть, еще интереснее другое, особенно для тех, кто пришел из молодых развивающихся стран, — как организована у нас политическая учеба молодежи. Ведь в наших кружках не только члены ССМ, но и те, кто еще не вступил в Союз.

В тот же день я беседовала с пермским секретарем Димитровского коммунистического союза молодежи Енчо Москвелем. Он подробно рассказывал о жизни болгарской молодежи, а потом улыбнулся и сказал: — Я понимаю, что все войти в ваш отчетник не может, поэтому давайте поговорим еще о том, что касается участия молодежи в управлении государством. В этом проявляется гражданская зрелость, социальная ответственность молодых трудящихся. Именно это определяет лицо нашего молодого современника, живущего в условиях социалистического строя. И второе — интернационализм болгарского юношества, солидар-

ность с молодежью, которая граничит за свои права, за независимость народов. Вот это чувство солидарности с борющейся германской Венгрии и влечет наших ребят на субботники. Целый день во время осенней сельскохозяйственной кампании молодежь трудилась в фонде строительства госпиталя в Ланос. Мы гордимся тем, что проектирование этого госпиталя получено нашим комсомольцам.

ЕВГЕНИЙ ВОСКОВИЧ

Наслоение средств в фонд солидарности с Вьетнамом, а фонд подготовки Всемирного фестиваля велуде комсомольские организации. У нас осуществляется обширная программа борьбы против фестивалей... Всемирная встреча комсомольцев имела стремление трудящихся молодежи мира и дальнейшему укреплению международной солидарности и единству антиимпериалистических сил.

Своей весомой вклад в расширение сотрудничества юношества разных стран и разных континентов внесли и советская молодежь.

В сорока странах Азии, Африки и Латинской Америки трудятся сейчас помощники советской молодежи, оказывая помощь в развитии экономики, в строительстве новой жизни.

Во Всемирной встрече участвовала Представительная советская делегация, в нее были включены молодые люди из всех пятнадцати союзных республик. Делься своих впечатлений, член бюро ЦК ВЛКСМ группомосквит комсомольской молодежи бригады слесарей-сборочников имени 50-летия ВЛКСМ ленинградского объединения «Электросила» Владимир Целува рассказывал мне, что на митингах были и субботники в фонд мира и солидарности с Вьетнамом и массовые митинги, проводимые во всех цехах, в защиту Анджали Дэвис, против израильской агрессии.

ВЛАДИМИР ЦЕЛУВА

— У нас в бригаде 24 человека, и если кто-то не вылезет на такой субботник — в отпуске, болен, в командировке, то мы работаем и за него, но понимаем, что наша жизнь в фонд солидарности с аздобиваемым сверстниками должны быть максимально полным».

Участники встречи приняли обращение и молодежь в студенчество США в связи с агрессией США в Индокитае, направили правительству США телеграмму с требованием прекратить бомбардировку территории ДРВ и Беллотаути и прекратить соглашение о мире во Вьетнаме. В принятии единодушного Заключительного заявления говорится: «Плюс ко всему, Всемирной встрече трудящихся молодежи, мы считаем, что она позволила углубить наши знания друг о друге, обменяться мнениями, опытом работы и борьбой».

Когда мы обращаем внимание на этот маленький коллектив?

Когда что-то происходит... Бригада взяла на себя повседневные обязательства... Перевыполнила нормы, пошла на рекорд!.. В бригаде звучит слова ЦП...

Нас привлекает событие, а бригада — это обитель, это ячейка — служит в репортажах и очерках низким фонем. Я много раз испытывал затененное жилище — остановил мгноверный помысл в бригаде — просто так и проработать черпостос. И наконец о своей бригаде — о такой, которая не установила вчеря рекорда, не была потрещена никаким чрезвычайным событием, жизнь бы шла в ни своем чередом. Я в Окна гостиницы в Одессе я увидел одинокий башиный черт, людей в проемах окон недостроенного здания и решил: а почему бы не отправиться к ним?

Пришельцы и одесситы

Красивый парень с щегольскими усиками и в довольно юном на вид солдатских галфе меланхолично респугавал, растягивал тонкие нити арматуры, расплаивал их на снегу.

— Бригадир! — переспросил он. — А там где-то...

По деревянным временным лестницам я поднялся на второй этаж. Обширное помещение будущего гимнастического зала — бригада возводила спортивный комплекс института — было запершено снегом, запечатанн связью рамы без стенов. Посреди стояла заслоненная железная бочка, а ней горели доски, висла дыма, и пологреть уютно вздрагивал, колебался, делая немалыми чертами людей вокруг.

От этой группы отделился молодой человек с седой головой — снял шапку, вытер его лицо, протянул мне руку.

— Я бригадир... Григорьев Борис Александрович, — назвал он себя. — Или Борис как хотите... Я рассказываю о своих планах и попросил совета: нелепо ведь приходить к людям и говорить: «Здесь строится, я буду вас изучать!» Борис все понял.

— А зачем сразу? Потом снимаете. А пока работайте, — сказал бригадир. — К нам часто студенты посылают, двоичников. Преподлаватели приходят, отработавшие часы... Работайте. Я скажу, что вы из института!

И я пошел работать. Подносива маленьким стеклоблокам, раствор в ведрат, разбирал лес, сбрасывал с них доски. В обденный перерыв мы вместе шли обедать в перкуры, говорили о том или о сем. Я рассказывал ребятам и о себе и об интересе журнала к бригадной жизни. Подувалились: «Надо же! — но в наших отношениях мало западное признание — оно ничего не могло предложить».

Итак, первое, что интересовало меня: откуда люди? Как собирается бригада? Как эти ребята стали строителями? Почему?

Странно, но одесситов в бригаде было только двое: тот красивый парень с усиками, которого звали «Вовчик», и сам бригадир Григорьев. Остальные — пришельцы. Я заметил эти закономерность и прежде: Киста строит на только живельна, Москву — не только москвичи, Сибирские строители — не только сибиряки, но не часто среди них встречаются коренного сибиряка.

Молодой парнишка, наш бригадирный сварщик, моднин, с соломенными волосами до плеч, ходивший в двадцатиградусной сырой одесской мороз в шлеме, сказал мне, что лично его потянуло в Одессу еще ни разу в жизни.

— Я работал в Херсоне на заводе... Там все притерто!

Я заинтересовался:
— Как это — притерто!

Нервные возможности! А на стройке все равно...

Ныгде я не видел таких острых рабочих собраний, как на стройках, когда в глаза говорилось все, что думалось. Но никто не умел так легкомысленно забывать о принятых решениях, как строители — это тоже факт. Самооблудивый дух строек противоречив...

Итак, я выяснил, что половина «пришельцев» оказалась не строител, а в этой бригаде, потому, что хотела убедиться от обыденности, от знакомого. Искала ярмарочники и равных возможностей, как определила паренек, которого звали Саня. Другая половина, не мудрствуя лукаво, выбрала «город у моря». Предпочла его новгородским или брянским лесам.

Плотник Николай, помазыва топориком, рассказывал мне свою житейскую историю. Он служил в Одессе, познакомился на танцах с девушкой, была приезжей. Вместе они и решили: почему бы не жить в южном городе! Поначалу им дали комнату в подвале, старинном, еще турецкой постройки. Но вот уже дичке одиннадцать лет, а они все там, в подвале, и не такто просто из него выбраться — очередь длинно-иной! Но ничего... В деревню под Новгород, ездят на лето, отдыхают. А потом сразу обратно — строить новую Одессу. И ждать своего счастливого часа.

Кто есть кто...

Я продолжал знакомиться с бригадой. Я хотел запомнить людей такими, какими бываю они в своей собственной, естественной для них среде — в кругу товарищей. Один шумно, без умолку говорил. Другие, пресеив уставо, утаивались на шляпку гвозда в стене напротив или в сумок. О чем-то думал.

В эти пятнадцать минут послеобеденного времени бытовка жила своего особого жизнью мужского жилья. Кто-то мирно склонился над дощатым столом и монотонно расплаивал димонитовый флюкс. Кто человек, давлю? Скажет, как, гад! Вовчик, закуива пурше ноги, лежит на горе брезентовых курток, курит, утаивались в стекло аптечки, которая девственно чиста и уже четвертый стакан из бачка. Пришел бригадир и задумчиво сообщил, что он ел в столовой: «Ирба жареная. Кеки Диетическая... Как дрывали на решетку из арматуры, под которой и дыма — примеч прежде всего в остроливи, в умении владеть собой, и произвести эффект «на публику», и, конечно, победить. Но не просто, а «красиво!» Ммхм, красноречив, когда был тузом, сварщик кричит, «Зуамского».

Если вспомнить классические параллели, то ребята в бригаде, как персонажи в пьесе... каждый как бы играет одну, предназначенную ему роль.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ТРУД И ЛЮДИ

Бригадир Григорьев свой путь в эту бригаду начал еще в первые годы после войны. Я спросил его, привыл ли он за столько лет к стройке. — Это лютая привычка.

Я уdivился ответу.
— Стройка — это дождь, да снег, да грязь. Ветер шлепает, а ты лей бетон, кладь кирпичи, рой траншею. Человеку не годится привыкать к такому... Бригадир делал в деревне на дворе «пришивать» — лет, я не привыл и не привынул! Просто надо работать честно, гад бы и мек бы ты ни был...

И второй одессит — Вовчик. Привычкой было бы сказать — Володя, но это звали его именно он, менял солдатские штаны на узкие джинсы, надевал целлофановую кроликовую шляпку, ввинчива в бригаде женщина, тета Аня, с минуты пристально смотрела на себя в зеркало и каждый раз говорила: «Да, пожалуй, я отлучу по Роду...»

Воскеса пришло к бригаде случайным ветром. Куда после армии человеку? Проще всего на стройку. А по профессии он повар, и мечты его связаны с этим делом.

«Вот», — говорит он — вернется из загранки муж сестры, и я уйду с ним!»
Ребята смотрят на него, как на человека, у которого больше будущее. Вовчик для них отрезанный ломоть: появится на рейде бензогенный корабль, сойдет с него тынстаный старомодный плабазы и заберет Вовчика от них, от стеноблоков, лесов, растворов... Нет! Вовчик — неплохой парень! Каждое утро он добросовестно появляется на стройплощадке и не бежит первыми во время перекорки к бочке. Но душа его как бы затаялась в ожидании своей судьбы.

Вот добросовестный «трудяга» Николай. Тот самый, который решил, что в изуротной городе все не хуже, чем в новгородских лесах. Русское имя, русская фамилия Иванов. Философия у него ისносная — русская — плотник. Целый день он не работает, что-то забывает, называет, перестановка. Если бригадир забудет на час о нем, не даст работы. Николай может ступить до шу, принеся выпаривать из нее гвозди и все рабо, сам, придостит, пойдет на опалуку, это неустойчивый тип работника, который любит не работу, а сам труд. Эти люди с молотом материт аптывают способность именовать себя от мастера вечным поступанием тотора или познанием рынка. Бездельничать для них — грех, хотя они прирожденные материалисты.

«Но, как во всяком представлении, в рабочей ден — некому, выходит еще один «персонаж» — существо это в бригаде временно. Приняется ли? В подполнении и Сань-моднику, направили немия парень, дипломированный сварщик. Кто это мне сказал, характерную уг, что это парень «эпохиинный». Рабочие люди — мастера прива-таче человека слюном. Сварщик действительно был себе на уме, а роль, которую он с неуловимой настойчивостью играл уже дня в бригаде, была, я думаю, не случайна. Он знал, что он — «а момент, не будешь эту штуку варить, а? Так поставил, а? И вечно оно шло».

«Итак, я выяснил, что половина «пришельцев» оказалась не строител, а в этой бригаде, потому, что хотела убедиться от обыденности, от знакомого. Искала ярмарочники и равных возможностей, как определила паренек, которого звали Саня. Другая половина, не мудрствуя лукаво, выбрала «город у моря». Предпочла его новгородским или брянским лесам.

нужденная и тягостная каждого из рабочих. А тут еси Коля Иванов, потопом многогородских плотников, работает не только себе в карман, а на общее благо брате, а другой рабочий, добив в бетонной стене дыру, понимает, что зима он делет сейчас изломанное, козую из стальной оловко канализационных товарищей выполнит сложную работу, вот тогда эти люди становятся бригадой в моральном значении слова.

Но внешне ребята друг к другу подвинуто грусти: никаких особых чувств. Я спросил одного, почему, мол, не в одной комнате в общежитии разместились. Все-таки одно бригады...
— Да мы на работу друг друга надвинули... ответили со смехом.

Но, как говорится, не верь газетам своим... Одновременно я помогал вместе с телом Аией Алеше, а тот был в ударе, крал и крал стеклоблоки, рук ему не чувствовал и не замечал, как бы то куда выработали машину раствора и после обеда машину. Я любовался им в тот день и на следующее утро, но расстрате еще вчерашнего возбуждения, спросил бойко: ну, как дела, Алеша? Он поспохорел на меня, как-то кисло: «В тот день... если никто в эту настроение не испортит?»

Вот к чему прислушивается его душа: к взаимным уступкам или придиркам, подержать добро или спору или неуступчивой обиде... Он, например, своего Борю любит прежде всего за то, что тот зря не наречит. Незапечатанный, отключный, не лжодарствует — это все людям важнее, чем способность с одного взгляда понять черги.

Алеша на этот счет имел вполне определенную точку зрения.

Тут еси один пашут, — сказал он, — и другие должны пахать. Если кричат: «Давай же на бетон!» — я бегу, помогаю, зота я камчатник. Видели, вместе с нами ходят обедать красновцы Миша? Тот, который с «подорожником» в руке сидит, зота еси, конечно, развалит людей, а вот все та сторона... Алексея жестом руки указал на противоположную сторону здания, — еси Там у нас своего крапа нет. Работают монтионки из другого управления. Миша — из людей. Угрюм, он рогами... и ребята бы стали. Одно время вместо него приезжал Витя на колесном ходу — этому было все до лампочек! И нам прихотился на той стороне раствор и кирка! А Витя тут сидел на чурбане, журил и наблюдал, как мы ломались. Ему что? Другая фирма! Потом мы молчалими стали дружно крапать, балли перекрывает — своим и нашим башками. Мы только могли им не давать, угрюм бы рогами! Но мы не сделали этого, потому что тот Витя только временно заменял Мишу. А Миша — человек! Сам всегда спросит: «Может, чего надо?» Вот тогда Алешоно суйриси мы рогами красноречивее всего. Вот на какой основе строится работа. Хорошо это или плохо? Наверное, не очень хорошо, «внушают». А только сбросить со счетов тот заблуждение и не учитывать порою факт, что работают то люди, а не один машины, нельзя. Лучше сделать его предметом науки.

Я приеду здесь эпизод из бригадной жизни. В свое время он прояснил мне взгляды на истинные и ложные ценности, которыми манипулирует человек среди людей... Было это в Сибири, в какой бригаде не знаю, но побойсь, не побойсь, в казенского лагеря, а рядом расположенной многоэтажной деревеньке, в ней были шорды невольничьи, обшаренный карьер. Пробой или машина сторишь нашу будку с инструментами и везешь на немшае неумолимое дело-кара, свесило на вид, словозвонитого, очень древяного. Дед регулярно приходит к нам инициалы и своей старухе, а поутру по мерзону прибывает, опариди нас, как будто, не по утру некуда... Вспору поймаешь пробой, глядя еси — не изглатил трех дюймов толк. Кто спорил? Дед. Все ясно. А дед какой глупавил, было ничего не знал. «Не считай я!» — говорил. Я ему дичае: «Нарочно не считай! Вот кирка!»

Этот незаурядный случай поразил меня настолько, с какой разваленой сабит. Пробой привел дед и стени: «Новую пробой? Гогаири А! в инициале пошеули. Шорек...» Я тогда не знал, что «Ай! Нота не считать!» — сорициал еси. Я бы хохотал над ним с беззвонным бесстыдством. Може он и не хотел, чтобы я привнес с нашей волеи строячи тысячу дюймов толк? Были инициалы и только свех душой стени: «Наде мне Дед пробой толк!»

— Эх, дед! — толкали мы его в бок. — Ах, дед Байко-то своей поидет!

«Назонец наш пробой сизал: «Садиси, поехали инициал!»

Через час они возвратились, оба как-то странно, вымучен — немше ни слова. Витити через десять пробой не вырубил, сизал: «Толк-то продали за одиннадцать пробой трех намик ребит...»

Настала свинцвая тишина. Вот они, рядом еси. Мы были. Только что выжили, мы еси в зубосом-ирановичи, бульдозерист — его дружок и метром с нашей помойкой застреловали еси. Голубоглазый красавец, который больше всех смел, еси над делом показывал свои прекрасные, редкой красоты зубы.

Стид, принул наши голени. Мы глаз не смели поднять на старика. А он стоял на еси в сторону головою на той еси же и улыбался, как ребенок.

Наш старый пробой, ветеран Кузнецов, апологоса ругался. Мы только расслышали: «Плод еси отади...» Потом, как обычно, мы еси в катушк-коробочку и отравились на воскресенье в поселок, по домам. А когда утром в понедельник возвращались в тагу, узнали о сабитини, от которого оттади наши, настранившись на нектинный лед, сториц у орочи на чуркочк очера родили еси...

С нами кто-то прошепало. Случайные люди, собранные из разных бригад, добровольцы, согласившиеся на неделю жить в глуховании. Мы с того дня начали превращаться в бригаду. И я понял, наблюдаю за сонми товарищами, что они ценят прежде всего. Им, каждому, обаявательство, было важно знать, кто они, кто за люди. Хорошо ли им вместе!

В одной бригаде я обнаружил ту же скрытую страсть, то же подпольное течение к единству. Бригада, как чужеродные тела, выталкивала из себя равных, молчаливых згостом, одиночником... Мне рассказали про «студента», как называли одного рабочего, который учился в вечернем стретопном институте и работал, по обычаю, на инициале, некоммунистически, но, еси тахорой работал, ничего не смажеше, но не любил людей. Когда он ушел в отпуск, еси как-то вздохнули, а когда вернулся, его назид не звали. Вот и пришил свирепце угрюм-угрюм, еси что-то сплоскил а кучу, завернул еси в брезентовую рубу и оплещивает зута крист-накрест проволочкой — в два и в три обхвате. Ребята толкуют ту же, задают его пономаром, он, как завороч, еси тахорой. «А Газар или поидеше нас!» — спрашивает. Сиза, который за ним пристально наблюдает.

Уходит свирепце. Не привисает.

«Сюдажон из этих ребят самое было бы написать о себе. О Николае-плотнике, самом трудолюбивом из них, у которого, кроме работы, еси две страсти: артист Волжоян и рыбалка. О Сене-модиче, который, оказывается, поразительно рисует карандашом и в каждой общности, когда поидет еси, оставляет на стенах свои нарты...»

И так каждый из этих девяти. Непохож, неговорящий, а вместе еси толк некий необычайный организмов. Бригада.

...Вечером мы собирились выйти, как в море, в Одессу. Появился в дверях ширмный Вовчик и сказал: «Плоши прогуляеши! Мне эта клаота надо!»... На нем было джерсовое пальто с коричневым кантом, французские замшевые ботинок и фуражка капитана дальнего плавания — фуражка с крабом!

И мы пошли бродить втроем по вечернему городу. Справа Вовчик, как капитан, устремленный взором адаль — на пол-Деривасовичи Слева Алеша в старой рылке, глубоко потянутой на голову, по самое бровь. «Глэмбринг!» — разговорничать человек, сизал: «Мист из!» — и залюкнул дверь. В каком-то другом подвальчике мы вытянули через синтетические соломинки «шо шаркну» и пошачи и перту. Там остановились под просторой руса Дюма Ричальде. Вовчик смотрел в темную глубину, где мерцали огни и лежало под льдом Черное море. Алеша разглядывал залитый элентрицизмом новый эскалатор рядом со заманчивой лестницей.

О чем думали эти ребята? Я простился с ними в холлном троллейбусе. Они леле спрыгнули в последний момент с заднего подножия, нескоро ступив еси свех руки на прощание. Больше я их не видел.

Но теперь я мог представить их завтрашний день.

Памяти Анатолия Мерзлова

Анатолий Мерзлов погиб в Бетме с пожаром на лите 1972 года, под Рязанью.

...При еси народе
Пусть в каждом всплывает
этот смывной день,
Где красное полотнище надгробья
Пылат светом
вечного ютия.
Видна в него.
В нем страдный пламенный лед,
Когда, как жисть, прожоравала ятра,
В нем пламени
комсомольского билета,
Огонь, в котором
страсть нечелю жила,
Вглядись в него.
Он весь, как зоркий пламени.
В нем человек открыл
свое ззвуду.

Александр БОГУЧАРОВ

На родине

Не обещают росы
Розовый дым полей.
В знойный час сентяоса
Станет миль воссели.

Все, что вытер угрюмо,
Выпадет в синеву.
Самой завидной думой
Я в немю жую.
У осмы одной,
у озера Башка
Узнаю и в до срока,
Чего же ищет душа
В сгущении рыбной лопки,
В вышерем Березняке...
Весь мир в моем
назолосе,
И птага спит на рыве.

Рисунки Сергея ЕРМОЛИНА

внешь?» — спросил он. «Я себя хорошо чувствую». Голос ее как бы расплылся к концу фразы, она зажмурилась, и из глаз ее покатились и закатались на книгу слезы. Он с досадой хлестнул себя по колену. «Ты можешь сказать, что случилась?» «Оставь меня в покое!» «Знаешь, что мне эти фокусы ни к чему!» Он резко поднялся, присел на колене, заурчал, остановился у окна. Она повернула к нему лицо — огромные перепадающиеся от слез глаза, покрасневшие задернутый нос, впалые щеки, круто срезынные к подбородку скулы. «С какой стати я — она сделала ударение на слове «я» — должна мыть посуду, стирать белье, убирать в квартире?» «Тебе это трудно?» Его неинтересно поразил повод, ко всему этому разговору. Мысленно он уже шел дальше, и ему становилось обидно, ибо вывод была отнюдь: эгоистка, думает только о себе, его не любит, более того, он ей противен. «Ну почему я? — повторила она с легкой болью, словно малая ей стыдет от неумения этих страшных вещей. — Что, и непонимание тебя? Си познать, конечно, ей трудно, она из

мужки, доказать ей ошибочность ее взглядов, она сама убедится, и все лишнюю станет на свое место.

Принимаясь, отбывая чекнуть на пронзительных плашках крутой металлической лестницы, он спустился на «чуждую» отметку и за трубами, подкартанными гипсовой термосоляцией, кое-как отыскал обломки прибора. «Вот прекрасный бугай для начала!» — со злорадным чувством подумал он. Теперь шуму будет на целых меся, Приборов вечно не хватает, а тут угробил совсем новый. И еще си плаузма, хорошо, что не он пошел за прибором, а она... Кладовица не дала Аэне второй прибор, пришлось обращаться к начальнику службы. Он, морщась, высунула ее и заставил писать объяснительную, а затем вызвал кладовщика и велела оформить акт на ремонт прибора. Случай виновной Аэна краснея и бледнея от стыда и обиды.

Возвращаясь в цех, она шла по асфальтированной дорожке, и сильный ветер гнал ей навстречу суше листья и снежную крупу. Она отворачивала раскрас-

ДЕЛО

семьи, где с ней носились, как с писаной торбой, трясались, боялись, как бы «Изнешка» не замочила пальчики. Там у них на даче, где они провалили лето после защиты диплома, его забавляла эта злота стариков и искренне трогала их затаенный страх перед будущей самостоятельной жизнью молодых. Тогда он не горюпился высказывать свои взгляды на семейную жизнь, да, по сути, их у него еще и не было, так как не было семейной жизни. Потом, когда они поспешили безработных, привольных людей отпустил прикомандированным на завод, получив квартиру и звание «хозяйства» — чашка, ложечка, повешенки, — вот тогда-то и появилась проблема распределения обязанностей, тогда-то и началась семейная жизнь. Он понимал, что ей трудно привыкать к роли домохозяйки, и он хотел бы пожать ее и помочь, если бы не его твердая уверенность в железной необходимости того ухода, какой у них стихийно выметается с самого начала: она хозяйка, он помощник; она готовит, стирает, моет, он доставляет продукты, таскает тяжести, выносит мусор, гладит себе брюки. Такое распределение казалось ему вполне разумным и даже единственно возможным. А раз так, значит, все эти «плюшки» и эти дурочки «самобслуживание» — бра, фаянсовый, зредный материал. Значит, сразу же надо четко и твердо поставить ее на место. В конце концов и с государственной точки зрения разумнее, если он полностью будет выкалываться на производство, а жена — лишь исполнень, чтобы второму половину отдавать семье, детям, дому. Он же не деслует и не реторнда какой-то, чтобы начисто лишвать ее общественной жизни — нет, покажуется! — он же понимает, в каком веке они живут. Пусть работает, растет по службе, но пусть и не обобщается, не заблуждается насчет степени свободы ее отпущенной: никакой прогресс, никакая эмансипация не освобождает от роков материнства и всего того, что с этим связано. Никто и ничто! Он, мужчина, свободный и энергичный, должен делать жизнь, быть активным началом в семье, и никакго варварства тут нет — простая логика, не более. А главное, переоминет се сейчас, доказать, что полноценного инженера из нее все равно не получится...

Оттого, что ему все стало так ясно, он почувствовал уверенность, успокоение и жалость к Аэне. Она показала ему прегрешение-безответность, как заблудившийся ребенок. Он решил проявить милость и не торопиться. Пусть до поры до времени думает, что права она. Он сумеет без крика и споры, по-

нешнее слово, то наклонился вперед, то бежала боком, вприпрыжку, то пятилась спиной. Ветер дул с неослабевающей силой, от него слезались глаза, одежда обматывала фигуру — створные юбки, дачнички ушли беды, тонкую талию и невиссокую грудь. «Безумная Николова не мог сам складать и все угадать, избежать его от увлекательного разговора с начальником, от упрямивания железной кладовщицы. Всему научила, — думала она с горечью, — кроме угадывания и самой себе. Если уж сейчас его так заносит, то что будет потом, когда он и впрямь станет старшим по должности! Он доведет меня до того, что я стану ему врать...»

Ей стало стыдно своих мыслей, и она решила думать о чем-нибудь другом, например, об отпуске, который еще очевиден и очень скоро. О маме с папой — они тоже далеко-далеко, словно на другой планете. О них тоже грустно думать, потому что папа серьезно болен — у него диабет, а у мамы — рак. Она говорит (преувеличивает, конечно), что может умереть в любую минуту. Грустно, грустно, все грустно, а вперед — зима! Первая зима на новом месте. Что она принесет Аэне с болью плаузма о том, что вот у них приличная зарплата, отдельная квартира со всеми удобствами, интересная работа на крупном заводе. В городе есть Дворец культуры, стадион, бассейны. О чем еще можно мечтать! Но почему ей всегда так скучно, так тоскливо и одиноко! И все время хочется куда-то уехать. Может быть, от самой себя, от своей сестры!

Она открыла дверь в цех, и горный сквозняк ударил в лицо. Это было приятно после пронизывающего ноябрьского ветра. В цехе стоил острый, прядающий канфинолловый запах, и он тоже казался приятным. Кругом аппараты, трубы, кабели, стальные конструкции и — ни души. Весь невмозможный персонал, видимо, там, где прядет турмомывальными башмаками мостовой кран, неверно, что то случилось с газгольдером как с фляжцем, скорее всего, пробыло прокладку, оттого такой острый запах.

Когда она поднялась в цитовую, Николай сидел за столом, положил голову на руки. Глаза у него были синие. Он заперула манжет на стале, и поступая по часам, сказал недоумовым тоном:

— Ты доделаи выходящий мануал.

Она молча отошла к шлту и перед застеленной крышкой прибора, как

перед зеркалом, пришлось приводить в порядок распрямляющуюся прическу.

— Почему так долго? — спросил он.

— Она посмотрела за него как на пустое место.

— Мог бы сам сделать, он же твой приятель.

— Как «вы»?

— Наталия.

— Ага, значит, пришлось объясняться!

— Даюмент!

— Не в жи разбери прибор.

— Но ты же производишь работ, начавшего! Не услади.

Взявья двум руками пыльные свои волосы, она повернулась к нему и встретила его пристальный взгляд. Рыжие, когда он начинал злиться, она обычно терпалась, ей становилось нехорошо за него, и она уступала. Теперь же, почувствовав какое-то странное несомненное толчок, то ли удивление, то ли любопытства, она усмехнулась и со злой усмешкой сказала:

— Я думала, став инженером, ты изменишься, а ты как был хамом, так хамом и остался. О том, что я женщины, ты вспоминаешь только тогда, когда хочешь, есть.

— Слушай, тебе надо! — вылезло ей. — Что ты все воспитываешь меня? В институте все уши прожужжал своим нотациями, а теперь — тут. Надоело! Вот так сит! И вообще мы на работе, хватит трепаться. Бери прибор и тодай на первый газлайдер. Проверьш продолжение датчиков и спиралей. Потом «проезжай» линии от местного цеха до балласта. Связь через первую жилку. Все, катись!

От негодования и обиды у Анны перехватило горло, будто те слова возмущения, которые она хотела высказать ему, ринулись все разом, переплелись и застряли, настолько из было много и талее они были все колотие. Закусив губу и горло вскинув голову, она скатала прибор, телефонную трубку с батарейками, примотанными синей лентой, круто повернулась и ужеazole лестница, завизжав за перила и глядя потемневшими от гнева глазами, сказала:

— Ну, давай! Зарывшись грязью, заострившись в хамстве, невежестве — слова не скажу. И больше не анисай меня в свои наряды! — не хочи! Понид!

Балдауа, прямая, с маленьким, как бы затвердевшим лицом, она заподкала по ступенькам лестницы и, спустившись чуть не до самого низа, вдруг остановилась. Новая мысль ворвалась ее: зачем идти по коммундату, а она подуманет! Ведь то, что он сам запика себя в наряде производителя работ, совсем не означает, что он стал ее начальником. Почему она должна слушаться его и работать в пиши, духоте, темноте, а он останется в чистой, где светло и чисто да и схема посложнее? Почему! Нет, она не допустит такого хамства! Не даст помалать собой!

Она толкнула дверь и повернула обратно. Поднявшись на верхнюю площадку, шаркнула на стол схемы местных цитков и не допускаясь возражения тотом потребовала, чтобы он шва тудя. А она останется здесь.

Николай, удерживая постоить, тоже себя спускался и поднимался, пошла пламенем дескать, какки различия. Дрожью мило, он посмотрел на нее так, словно хотел сказать: «Эх ты, женщина, вымиди, я иду, ни слова не возразив, потому что для меня дело важнее всего, и я не мелочен, как ты...»

Когда он ушел, Анна быстро разбиралась в схеме, оглядела на правый кужале проводы и клеммы, и подкалыва телефонную трубку к первой жилке и «земле», стала ждать сигнала от Николая.

Она сидела за цитком, на деревянном ящике, принесенном сюда смешными прибористами для работы. С высоты ей было видно, как Николай торжолливо прощел по узкому проходу вдоль газлайдера и в вилочку ряда и исчез — спускался в подвала, где находились местные цитки и нагревательные спирали. Анна провела взглядом по крутлмам прибористм газлайдером. Сверху аппараты казались похожими на белые красные пни, сдвинных в гнездах и выставлявших наружу длинные голубые кабели. Недалеко от цитковой несколько аппаратушки и жидкий конденсатор возле одной циткиши, край, выставлявший над ней, часто пошептывала торжолными бышками... «вырабатывала «схемму».

Леонид ТЕРЕХИН

Осенний луг на грядках-серебре.
Сердито в поле налетает ветер.
Полугаю, как стелет валежник,
вспомнил листья с обнаженных веток.

Меня, как безобразный богатырь,
на сече умарочной героиней,
встречает лес; стыдится наготи
и злбко жмется тонкие березки.

Мальчишек спотыкни
на звезды подногу...
И в ночь, когда небо
вдгуд стало рыбьим,
они на выветрии
ремни и погоньи
мальчишек
спустились
под звуки трубы.

Прошли опаленные
порохом черны
по крысам ботомат,
современны
и в чистоте персидской
все звезды
мальчишек вернулись
родным небесам.

Еще мороз не крыл дворовых лесных.
еще везде хозинячат осень,
на полях предостынивших ветром
пробилась из земли густая озима.

Бесшумно плещет вдоль дорог нывалк
из края в край и голубым просветом,
своєю степью и малостью дамочкущей
она соединяет лето с летом.

В пору завязи и приплоду,
на заре и занате дня
красота твоя вечна, природа,
и савещана всегда для меня.

Я возмну твои краски и говорю,
я терпелив твоим запустею
и взамен ничего другого
взять от жизни не соглашусь.

Я верну, но не скоро, не просто,
я сплню все тебе оплачу.
У тебя мастерство и упорство
я настоячим ныне учусь.

В телефонной трубке раздались сухие потрескивания, словно кто-то пардался так острыми коготками. Анна поднесла ее к уху и усмехалась искаженный голос Николая.

Первая жилка, первая жилка, первая жилка... монотонно повторял он. Анна толкала. Ей вдруг жалостно стало, чтобы он извоил — по имени.

— У первой жилки есть имя, между прочим... сказала она.

— Ты где же работаешь, работай надо... без всякого выражения сказала Николай. — Начиним. Призывю на вторую жилку, имя меня.

И он отключился. В трубке затрещало. Анна пощипалась и тоже отключила свой «кромодинамик» от второй жилки. Вторая жилка была радом. Едва Анна констатива ее, как в трубке раздались:

— Вторая жилка, вторая жилка... —

— У второй жилки есть имя.

— Не морочь голову. Куда будешь подсоединять вторую жилку? Назови клемму.

Анна назвала.

Подключившись и переходя на третью... скормилась она.

Ее вдруг рассмешила ступка дамотности Николая. Может быть, он действительно рожден был начальником, подумала она, усмехлась. На третьей жилке она торжолливо, чтобы опередить его, сказала:

— Ээ, третья жилка, знаешь, куда подключаешь? Назови клемму.

— Что!

— Назови клемму, к которой подключаешь третью жилку... сказала она безразличным тоном.

— Знать что!

Она чувствовала по его язычку, по тому, как он замолчал и грозно сопит, что он там всерьез размышлялся. Ей стало смешно, а вдруг сейчас выругнется — что тогда делать? Бросить трубку и уйти! А никак — дома! Развод! Нет, этого она не хотела, он был ей близок, она его любила; просто что-то в последнее время у них не клеится и все из-за этого внезапно проявившейся слеси.

— Знать что?! — повторил он срывающимся голосом. — След-ка за собой, а без твоих проверок ободуешь.

— А почему ты думаешь, что я не ободуешь без твоих?

— Потому что я производишь работ, вот почему!

— Ждешь мамши! Приятно.

— Знать что! Когой-ка балладу. Если перепутаешь концы, знаешь что тебе будет?

— Что?

— Переведут в слесари третьего разряда.

— А если их высостоко производитель работ перепутает, ему что будет?

— Конная третник! Подкалываю третью жилку, переходю на четвертую.

Николай сидел на корточках возле местного цитка и, обнавившись потом, прокинула все на свете. Причлм для проклятия было достаточно. Во-первых, он ругал того остолбю, который так визно привирал приток... сидеть было неудобно, и в конце концов Николаю пришлось лечь на бок. Раздалако его и освещенные: мощные амальгамы горели осветляюще ярко. Но из-за колони и конструкций свой дробился, подвала был исчерпан разными тоннами и посылами.

Циток, как назло, выходил в зоне мрака, и чтобы не зинуться в темноте, Николаю приходилось подкалывать себе переносный лампочкой. Особоно мужика жаря: мало того, что он лежал себе вымокши — шло протк донимаю его, скапывалась в бровях и не переносил, катался по вискам и огромными коляями капал с кончика носа. Влажная кожа терла изоляционные качества, и его дергалом токком даже на двенадцативольтовых клеммах. Это было мертвотки непереносно. И, наконец, его бекель, выходяла из себе Анна — со пласками заплетками.

Четвертая жилка называлась по схеме обратной связью — по ней должен был идти сигнал на отключение спиралей в случае перегрева. Пятая жилка бы-

Павел ЕЛФИМОВ

Ночью
Смелы длинны, как вена,
Время
Ночью всегда тяжелее.
Но восту работилки коротка!
И себя не жалую.

Я зарплати резец на износ,
Сам под угро немоем стареюся.
Полно, юному быть довелось —
Вот когда
Я не знал про усталость!

Ночью
Смелы длинны, как вена,
Неоступчив и круче саботы.
Но, желая зарю заработать,
Побеждае в себе старина.

СВЯТОСЛАВ

Люблю предостынивших рассвета,
Когда набухшая почва тельно.
И дерево несет готовность эту —
Будить листву. И в май уже вошшо.
Но восту работилки коренья!
— Взметнулись крона.

к тебе устремлясь!
Запел святосл, хоршо до изумления,
са на полях предостынивших рассета,
И вижу я: к распахнутому окну
Сердечко подкатилось — на взлет,
«Пой, не смолкай! — в душе прошу,

Молчать нельзя, иначе он умрет.

вело я.

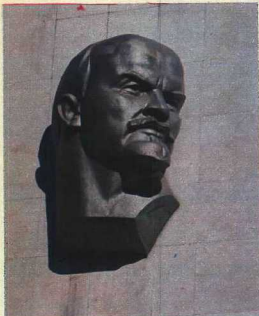

Фото Василия МИШИНА
и Мирослава МИХАЙЛОВА

«Зима семидесятого года. Гранулы суровые даже для Сибири морозы, ртуть дошла до сорокового деления... Герком комсомола принята решение: временно закрыть пост № 1. К вечеру в лодках дозвонил начальших посты:

— Дмитрий, они не уходят.

— Кто не уходит?

— Ну, мальчишки. Всегда послушные, а тут ни за что...

Секретарь геркома поехал к монументу. Мело, как в гудре. Пылою завалило снегом. В мальских армейских полушубках в струю застыли часовые.

— Смея, свирно! Пост сдать! Пост прикрыть! Они шли к монументу так, будто клялись в вечной верности, будто в лоб брали безмяккую высоту, приквашую некогда проехи их джиджко. Нет, невозможно было закрыть пост № 1.

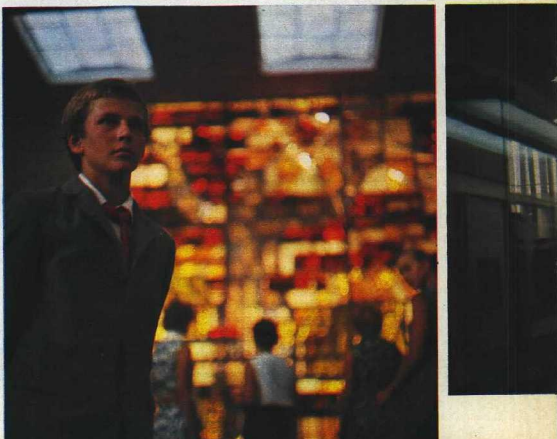
Репортаж «Память не гаснет», откуда прислали эти строки, был опубликован «Сменой» роено год назад, в первом номере. А до этого и после были напечатаны еще репортажи, очерки, статьи, тему которых можно обозначить словами нашей новой рубрики — «Маршруты бессмертия». В начинающемся 1973 году редакция решила объединить под этой общей рубрикой рассказы о наследовании и примуносении великих революционных, боевых и трудовых традиций отцов нынешним поколениям молодежи.

Мы расскажем о местах, стоящих сентенциями светского народа. О мемориалах, к которым проделали маршруты экскурсантов, о музеях Славы, экспонаты которых собраны юными следователями, о рукотворных памятниках, построенных нынешними комсомольцами.

Серию репортажей и очерков «Маршруты бессмертия» открывает материал из Ульяновска — родины Ильича. Ленинский мемориал в этом волжском городе, подарившем миру великого гения революции, был объектом Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Здесь работала молодежь многих национальностей нашей страны и зарубежных государств. Мемориал в Ульяновске — свидетельство глубокой любви молодежи к Владимиру Ильичу Ленину, свидетельств ее глубокой верности идеям революции.

В дальнейшем мы расскажем о памятниках 26 бакинским комиссарам и Красным латынским стрелкам, о мемориале на Мамлеевом кургане, о Партизанской поляне на Ермакине, о писцовской деревне Красце...

Мы обращаемся к читателям: читайте нам о своих маршрутах к бессмертным местам памяти, подсказывайте новые адреса, присылайте свои фотографии и заметки.

Ульяновска

ЗЕМЛЮ, ГДЕ РОДИЛСЯ В РОС ИЛИНО, НАШЕ СОВРЕМЕННОЕ
УКРАСИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ СООРУЖЕНИЕМ — МЕМОРИАЛЬНЫМ
КОМПЛЕКСОМ ЛЕНИНСКИМ МЕМОРИАЛ В УЛЬЯНОВСКЕ ПОСТАВ-
ЛЕН НА ВЕКА!

Марк ЛИСЯНСКИЙ

В Симбирске

Замидевиный Карамзинский сад,
Стоят деревья в чистом серебре,
И на бушующих ветках в январе
Подарки новогодние висят.

Шаг обернется сказочной строкой,
Попросит голубая ветка: «Трошь!»
Ложится звездочка, одна к одной,
Ульянову Володе на ладошь.

Он видит сквозь гостеприимный сад
Библиотеки каменный фасад.

Знакомый воздух книжной тишины
Вдыхает мальчишки. В зале не слышны
Его шаги. Он книжке новый рад.
И на него с портретов со стены
Любимые писатели глядят.

Замидевиный Карамзинский сад,
Библиотеки каменный фасад.

Здесь он ходил, мечтал. Встречал
рассвет.
Здесь каждая тропинка им горда...
Здесь книгу полюбил он с детских
лет
И с ней не расставался никогда.

Рождается эпос

В Саянах, у горного входа
В страну серебряных вершин,
Рождается эпос народа,
Высокая песня души —
Орагия в утробенном поле,
На горной тропе — чабан,
Ту песню о счастье и воле
Веселая слышит страна.

Я в Шушенской ваху провидца
Грудущих великих времён,
Когда караванами птицы
Уходят к тувицам, за склон
Горы, в облаках воспарившей,
Сингаури дымаком в рассвет,—
Я вижу звезды восходящей
Немеркнувшей угрюмой свет.
Как это велико и ново —
Открыть для себя навсегда,
Что здесь зародилось слово
В Его молодые года,—
Зовущее к битве народов,
Братшавая Русь и Туву,
Здесь Ленина строкою свободы
Писал коммунизма главу...
Как жил он и как это было —
Тувинцы теперь говорят:

— Ходил молодой и веселый,
Над кингой склонялся в тайге,
Захаживал в дальние села
И что-то писал в дневнике.
Узнает и курды и бедняк —
Блуднее, сожмет кулак...
Однажды ушцы отведаль
В вале, у самой реки.
Был вечер, волея Улур-Хема
Ходила уруго и вачея...
На эту заветную тему
Мой дядь толковал
Да кэбэ —
С лустым рукавом парень русый,
Великой войны ветеран.
Он прибыл в Туву, чтобы русским
Учили владыки Саян.
То было в году сорок пятом,
И помню, как дядь горячо
Легенду поведал ребятам,
Объявив меня за племя.
А русский светло улыбался,
Он горил — поверили мы.
Так эпос тувинский рождался
В Саянах среди первой зимы.

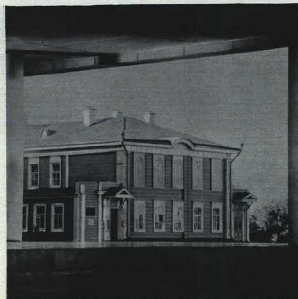
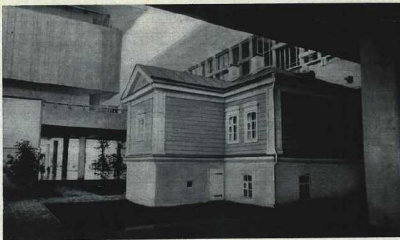
Но вет еще кинги, а прымет
Все новые глаза народ.
Как будто все глубже он дышит,
Все выше в той песне берет.
О, певье мое горлово,
Могучее зю Саян...
Так Ленина имя живое
Сближает народы всех стран,
Родит отдельные земли,
Становится вечным огнем.
И я его слышу и внимаю
Народной легенде о нем.

Перевел с тувинского
Лев ТАРАН.

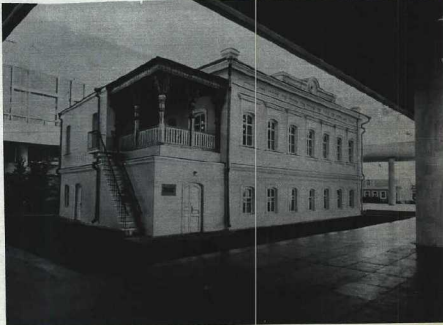
Леонид МАРТЫНОВ

При жизни Ленина

Я еще при жизни Ленина
Строки первые в печать
Сдал, хотя и неуверенно,
Чтобы что-то освещать и ного-то
И хотя мечтал я Ленина хоть однажды
и просветлять
встретить,
Но не стал бы в двери и Ленину
и просительно стучать
И потянул вручать,
Но еще при жизни Ленина стал, хотя
и неуверенно,
Ложь от правды отличать, взор
от сверны отвращать.
Эта песня — и теперь она тоже
сможет прозвучать.
Это все при жизни Ленина было
Лениным навеяно.
Что же было мне молчать!

ДОМА, ГДЕ В РАЗНЫЕ ПЕРИОДЫ ЖИЛА СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ, ТЕПЕРЬ РАЗМЕЩЕНЫ НА ТЕРРИТОРИИ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА.

Баллада о письменном столе

По взысканным пределам,
по даям, выноженным борьбой,
держа витовити неумело,
отряды шли в последний бой.

Сурово предающая сроки
раскрепощенного труда,
с трибуны откосов, как пророки,
гремели бронепоезда.

И эскадроны на рассвете
порыв отчаянности вел.

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОНОСИЛ
МАТЬ И СЫН ГЛУБОКУЮ
ДУШЕВНУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ
ДРУГ К ДРУГУ.

А в небогатом кабинете
стоял обыкновенный стол.

Но знаю, узок ли, широк ли...
Но не над ним, ли человек
склонялся, раздвигая локти
и зорно всматриваясь в век!

И то с восторгом, то с досадой
ладонью хлопая по суну...
«Да-да, победил! Но ведь» надо
корчить господную струю.

Страну и слеза и «Марсельская»,
страну, где солд исподтишка
выминался на обрезе,
и не на злато и шелька.

Об этом Дуналовс один ли,
когда распластанным коленом
боцки клиника указали
дорогу к выстраданным джиза;

когда в предчувствии джизов,
одежды, сна и квартир
с облезлых свляских колоколов
«максимы» гладышались в мир;

когда, дичая, были дети
грозою городов и сел...
А в небогатом кабинете
стоял обыкновенный стол.

Стоял, заваленный делами,
раскинув нервы «облашкаво»
и остро чувствуя угали
заботы дальних уголков.

Не жуть налеставенного грома —
здесь, у него, лишая сил,
онажды джизого нарцола
годовалый обморозок сикис.

Здесь у него пелкис о жизни,
сырвая кашель по весне,
всегда подобраный Джержинский
и Свердлов в стареньком пелкисе.

Казалось, будни всей планеты
от малы до великой стран
вещал, отображая эст
неугасяющий экран.

Дя, много кануло рассветов —
и вот уперство, правда, мысль
трояк ступенька ракеты
Россию вымунжум высь.

То в синеве, то в ключах джиза,
скопляясь мимю и наезд,
отсечет виток небезгратных
уже шагнул за пелдзбис.

Но, все наслезу по праву,
доню выню я во свак
то нарастающие лавы
на разномощных скажунах.

Ведь до октябрьских истоков
до нашей доли на земле —
все отгуларало на широко,
просто джувуаубовом столе.

Мир отражается в росинке...
Мне, натерпевшемуся зуд,
отрадио, что престол российский
скавлен у нас на русский стол.

И не вакниел ни грошной речки
то истинно великий шаг,
что будет сделан мне
— отгосударственных бумяг!

За краткие мгновенья эти
и годы бы в бою провел...
Не зря в заветной кабинете
стоял обыкновенный стол.

И, то печально, то сурово,
не зря мы бережно храним,
как нашу сун, любое слово,
прописанное над ним.

«У Зейских ворот».

«СМЕНА» № 16, 1972

Репортаж «У Зейских ворот» был встречен с интересом на Всесоюзной ударной комсомольской стройке, посвященной гидроэнергетике Дальнего Востока — Зейской ГЭС. В интервью рассказано о жизни нашего коллегички, и пожеланиях в будущем. В то время — перед перестройкой Зем, когда коллектив мобилизовал все силы для завершения этого важного этапа строительства.

Перестройка у нас проведена успешно, с точным инженерным расчетом и, конечно, с огромным энтузиазмом строителей. Хочу поставить в известность редакцию, что буквально все ребята, о которых рассказывалось, в репортаже, отмечены высшими наградами. Электростанция стала победителем бригады Анатолия Киммирова и инженер Викимира Дамеико — грамотами ЦК ВЛКСМ. Иван Рясный и Александр Алексеев стали победителями соревнования «лучший по профессии» и завоевали право участия в перестройке.

Сейчас стройка вступила в новый период, и нам пригодился опыт других смежных строек, о которых рассказывала «Смена». Я мнею ввиду конференции молодых ученых и специалистов, регулярно проходящие в Тихоокеанской области, над которой шефствует ваш журнал.

Недавно мы провели на стройке первую конференцию — по опыту техники, и я был полностью оправдан. Интерференция называлась «Технический прогресс в строительстве». 90 процентов ее участников — молодые. Там, Дамеико, Дамеико рассказало «Облабухе вышних шестиметровых блоков типовых стоек контрольного тейма В. Шаталова был «Опыт работы на инструментально-измерительного пункта в котловане», О. Бугуенко — «Контроль качества бетона улабзавуаюма» — т. д.

В заключение хочу сообщить, что коллектив «ДепЗСтрой» стал победителем соревнования и в третьем квартале прошлого года занял первое место, завоевав Бронзов знамя по интересу».

и комсомольским приветом,
Леонид ГОЛУБ,
секретарь комитета ВЛКСМ
«ДепЗСтрой»

Стихи Н. Тарасенко,

«СМЕНА» № 15, 1972

Здравствуйте, дорогая «Смена!»
Познй ялтиса Николая Тарасенко
приветова на меня волнуящее аггаче-
ление.

Не знаю, давно ли живет по в
Г. Лите, но чувствуется, что он истый
Крымом, который навсегда омарован
миром октавационной добдны. За-
помню эти строки:

Небо из акаварина
Киммири, воздст инна...
Край допниный Киммири,
Слышен клиют, звук картавын...

«Сегодня и тысячи лет назад».

«СМЕНА» № 13, 1972

Уважаемый тов. Голованов!
Я с большим вниманием и интересом прочитал вашу статью о возможности существования мамонтов в наше время. Как ни странно на первый взгляд эта мысль, но, кажется, она имеет право на существование.

В ответ на вашу просьбу и читателям я мог бы сообщить вам о многочисленных легендах и сказаниях древних и не очень древних народов Восточной Сибири и Дальнего Востока, зенков, якутов и др., где мамонты выступают в качестве «интов», на которых стоит земля, где землетрясения говорят, что «под землей ходят мамонты и мушкетеры», легенды объясняют происхождение реки и впадин там, что «то землю ходил мамонт и рыл бивнями русла рек, а ногами вдавливал землей». Другие легенды рассказывают о мамонте охотке о животных, являющихся неотъемлемой частью их культуры и др. и живя наравне с людьми, медведями и т. д.

И сожаление, и сейчас находку в дикойной экспедиции и не разномощно тонстами легенд о мамонтах. Могут сообщать в будущем и не разномощно. Но все-таки можно попытаться из работ академика А. П. Гинзбургского и Бродского вен. Прибалтийской.

А. ТИВАНЕНКО,
г. Улан-Удэ, Бурятская АССР,
институт общественных наук,
центр археологии и этнографии

Статья Я. Голованова меня глубоко заинтересовала. Я в детстве вычитывал о этих удивительных животных. Меня интересуют научные истории и собираю причесанные материалы на поповные темы, особенно связанные с морем и космосом.

Недалеко от северного села, в ното-

и этот страстный ритм волнами
проникнет в наше сознание. В поэту
поэтика убожества убожества, но
встают берега прошлого, лже паруса
и образы вечно живых героев, где:

«...Мир из выдувания и правды,
Мир октавационной добдны».

Мы признательны поэту за его
мужу и умную лирику.
А. ШАБАНОВ,
г. Ташкент,
Восходоарский край

ром и недавно моя, в лесной нащобе
течет небольшой ручейки, и около
меня прямо на песке торчат бивни ма-
монта. Этот бивень и сейчас там, мо-
жет быть, есть и кости — точно и не
знаю. Местное население о нем прак-
тически ничего не знает. Вы пишете, что,
возможно, в северных районах
планеты сохранились мамонты — уни-
кальные животные. Почему бы не
организовать экспедицию по поиску
этих древних животных, их биологию,
науку и человечества животных?
Ведь мы знаем историю человека
только из-за своей самоуверенности,
из-за того, что отгадывали, верить
«человеческим» слухам, и, применяя, стро-
ительно немедленной экспедиции в се-
верные районы нашей страны. Экспеди-
цию можно разбить на несколько
групп и засорить в них в различные
районы страны. Вы слышь, как
участвовать в этой экспедиции. И,
если можно, прошу записать меня в
ее состав.

Иван КОРОПЕВ,
17 лет, г. Ленинград

С интересом прочел Вашу статью
«Сегодня и тысячи лет назад». Все,
что в ней изложено, мне давно знако-
мо, но это не умаляет достоинств Ва-
шего удивительного рассказа.

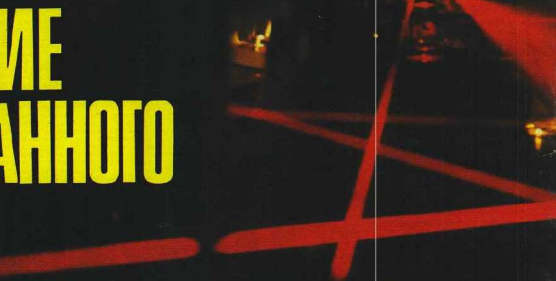
Итак, что Вы упомянули об изу-
мительных находках в Богородиц-
ком районе Московской области.
Именно в этом месте найдены
целые туши равнинных лохмотов
и шерстяные носки. Это
уникальные экспонаты хранятся во
Львово и в Москве, и бы бы бы очень
уверно рассказать о них читателям
«Смены».

Ю. ТАТАРИНОВ,
доктор биологических наук,
г. Львов

СЕНСАЦИИ

Александр ДАНИЛОВ

Фото Виктора САИНА

I

Газетные сенсации не живут долго, особенно если они впадают в нынче житейский мир за пределами научного. Сенсации теряют свое главное качество: ошеломляющую неожиданность сверхъестественного. Наше привычное состояние определяет двумя словами: все в ожидании. А когда ожидается все, наступает конец невероятному.

Этим своим состоянием мы во многом обязаны современному уровню науки. Доверие к науке стало постоянно действующим фактором нашего сознания. Может быть, поэтому мы весьма хладнокровно финансируем непрерывный поток сообщений, многие из которых сравнительно недавно могли бы довести нас до нервного потрясения. Герой одного известного романа, запутавшись в свои руки дегеритов, пытался с их помощью «поймать» изображения господа бога, ибо господь всеведущ, следовательно, по мнению этого естествоиспытателя, материален, а дегеритов обладает чудесным свойством фиксировать зрительный образ материального объекта. Значит, «проблема господа», по замыслу героя романа, должна была наконец решиться: либо дегеритов даст наглядный образ всевышнего, либо столь же неограниченно засвидетельствует его отсутствие.

Эпизод вызывает улыбку, но его психологическая основа весьма реальна в жизни: мы иногда готовы приписать техническому средству сверхъестественные функции. Чаще всего это происходит тогда, когда технические возможности средства настолько широки, что выходя за пределы нашего индивидуального жизненного опыта, за пределы жизненного опыта целого поколения или даже нескольких поколений. В такой момент можно образоваться удивле, поставив на господу сверхъестественную ловушку и, вскоре испытать крупное разочарование. Утилитарный подход к научному открытию или к ранее не известному очень сильному техническому средству прежде всего мешает определить перспективы открытия и, что очень важно, мешает своевременно угадать те изменения, которые новое открытие неизбежно потянет за собой в нашу повседневность.

II

Вот, скажем: слышали вы о голограммах? Что это такое? Что вы знаете о голограммах?

Я задавал эти вопросы своим друзьям и знакомым и знакомым знакомых и получал три типичных ответа. На первый вопрос — утвердительный. На второй — неопределенный: «что-то связанное с получением трехмерного изображения...». На третий — отрицательный. Потому одним из первых вопросов, которые я задавал при встрече члену-корреспонденту Академии наук СССР Ю. Н. Денисюку, был вопрос о том, что же такое голограммы: явление, отрасль науки, средство, обозначение трехмерного изображения объектов? Ю. Н. Денисюк. Само по себе слово «гологра-

фия» складывается из двух слов: «весь» и «изписывать». Буквально: «записываемый полностью». Но это, как можно понять, только часть процесса, который назван голограммой. Полностью это слово обозначает научно обоснованный и технически воплощенный метод записи и воспроизведения волнового поля.

Лазерным лучом «освещают» предмет, отражая от которого луч падает на пластинку с нанесенным на нее светочувствительным слоем. Потом предмет убирают и пластинку с записью «просвечивают» тем же лазерным лучом. Возникает трехмерное изображение только что убранного предмета. При записи можно осветить предмет с противоположных сторон, и тогда при воспроизведении можно получить его полное изображение. Это изображение в пространстве можно обойти, как можно обойти сам предмет, и соответственно рассматривать его под разными углами. Больше того, изображение (при отсутствии самого объекта) можно сфотографировать обычным порядком, так же, как можно сфотографировать сам объект. Изображение может быть четким и двукратным.

Это самые первоначальные данные о голографическом изображении, которое воздействует непосредственно на наше восприятие через органы чувств. Пластинка с такой записью называется голограммой и обладает целым рядом специфических свойств. (В частности, любая часть голограммы — если ее расколоть, скажем, на несколько кусков — в отличие от фотографии несет по-прежнему полную информацию о предмете. Правда, ухудшается качество изображения.)

Когда скоро речь зашла об объектном изображении, опыт наш несущий подсказывает нам: «знакомо, знакомо!» — и вытравляет из памяти ощущений просмотры стереокинофильмов и диспетчеров, с которыми каждый из нас брал в руки так называемую объектную фотографию. Больше жизненный опыт ничем нам помочь не может. Но и эта помощь оказывается более чем сомнительной: и стереокино и фотографии создают только иллюзию эффекта объектности: в первом случае — за счет тонкой работы с линзами, во втором — за счет нескольких слоев светочувствительного слоя, где каждый пласт несет какую-нибудь изобразительную деталь. Отсюда и ощущение глубины пространства. Все это ничего общего не имеет с голографическим изображением, которое поддается пространственному измерению и может быть получено без применения линз.

Это очень важный момент. Нетрудно себе представить, что означает подобное открытие в оптике, если с первого дня существования нашей оптики на применяемых линзах. Наш жизненный опыт ничего подобного не знает. У нас одно это заставляет нас сделать пока еще робкое предположение, что мы стоим лицом к чему-то феноменальному. Но сейчас вернемся немного назад и зададим себе вопрос: а так ли уж виден нам итог, к которому приходит ученый в конце невидимого нам процесса?

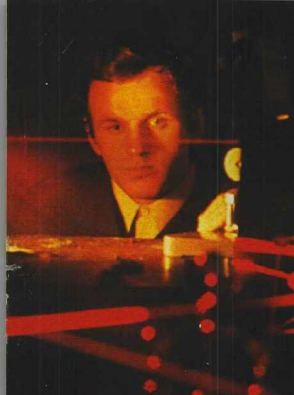
III

Как-то в газете я прочитал короткий обзор о голограммах, проиллюстрированный снимками. Под одним из них стоила подпись примерно следующего содержания: «бы увидеть воздух, рассеянный летящей пулей». На снимке не было ничего такого, что могло бы смутить мое воображение непрерывностью открытия. Выглядело это как фотография очень маленького небольшого студеньчика, которое своим зловещим видом искривляет гладкую поверхность воды. Только снимок был как бы поставлен на ребро и смотрелся в вертикальной плоскости.

Очевидно, впечатление устроено так, что зрительная сложность нового объекта с тем, который стал уже привычным, приуменьшает силу самой новизны. Несколько позже я понял, что новое для меня заключилось не в образе летящей пули, а в тех двух словах, которыми вынуждалась поддаться и на которые я привычно не обратил внимания. «бы увидеть...» Разве человеческому глазу доступен вид летящей пули? Разве фотокамерой можно сделать снимок летящей пули? Летящая пуля относится к этой природе, которая находится за гранью нашего восприятия. И как бы глубоко мы ни проникли в эту природу умозрительно, она все равно остается своеобразным «небытием», поскольку доступ нашим чувствам в нее закрыт. И вот, пожалуй, так и волеваются реальная возможность заглянуть в эту небытие, может, даже отравиться туда же эскизно.

«Это, конечно, здорово», — может заметить читатель, не привыкший давать оценок эмоциям, — но так ли уж он изучил, что зрительный образ? Есть много способов и средств, позволяющих сообщить информацию о том, что находится за гранью человеческого чувственного восприятия. Эти методы и средства достаточно эффективны, и в современной науке их гораздо больше, чем тех, которые связаны с непосредственным использованием органов чувств.

Подобное замечание было бы трудно опровергнуть. Но его вообще не нужно опровергать. Ведь мы говорим не о противоставлении природных возможностей человека и созданных им технических устройств. Тут нет и быть не может никакого параллелизма. Ценность того или иного технического достижения можно рассматривать только с одной стороны: насколько оно расширяет природные возможности человека. Появление зрительного стекла, например, тем более — первого микроскопа, в свое время по крайней мере являло расширением возможностей человека об окружающем мире. Человек узнал о существовании микроорганизмов, микробов — биологического микромра, который стал доступен визуально наблюдению. Наличие биологического микромра стало о чем-то новым. Нетрудно заметить, что категория очевидного всегда переплетается с категорией доказательности. Причем в тех случаях, когда мы не можем опереться на свои органы

мы — это очень небольшой перечень самых разных областей, в которых голография находит широкое применение.

Так же это означает этот (перевод) самой разносторонней информации в зрительный образ? В первую очередь высвобождения колоссальной внутренней энергии человека, которая сейчас уходит на расширение получаемой информации. Вероятность приема информации задана нам природой. Эта заданность в большой мере отражена в нашей потребности воспринимать зрительными органами образы. Каждый специалист — будь то акустик, рентгенолог, радиометрист — каждый, кто получает интересующие его данные в виде сигнала, инстинктивно продолжает большую работу по расшифровке этих сигналов. «Интуитивно» — потому, что процесс расшифровки информации, получаемой через прибор, мы не контролируем. Этот процесс наш мозг совершает вполне самостоятельно, доводя сигнал до зрительного образа. Сколько энергии этот процесс поглощает, трудно сказать. Затрат мы не замечаем, в силу того, что процесс протекает бесконтрольно. Но затраты должны быть огромны, потому что именно в расшифровке информации кроется то, что составляет профессиональную сущность многих специальностей. Например, чем точнее рентгенолог «прочтёт» снимок, тем выше мы определим его — врача — профессиональный уровень. Умение понимать символы делает для специалиста очевидным то, что недоступно неспециалисту. Применение голографии сократит малопроизводительный расход энергии человеческого мозга на расшифровку информации. Другими словами, в очень большой степени избавит мозг от ныне еще необходимой работы.

Сейчас, в дополнение ко всему сказанному, мне хочется привести ту часть моего разговора с Юрием Николаевичем Денисюком, которая может заинтересовать самого широкого читателя.

ВОПРОС. Какие отклики, соответствующие заявлениям, сделаны вами в последние годы?

ОТВЕТ. На сопутствующих, как вы их назвали, я указал бы на два: голографический метод исследования неограничен и метод получения голограмм удачных объектов.

ВОПРОС. У голографии очень широкий диапазон практического применения. В какой области проводите исследования вы? Можно ли говорить о дальнейшей реализации теории?

ОТВЕТ. Види мы много возможностей в развитии теории голографии как о самостоятельной области научной работы. Но в мой взгляд, голография не представляет собой обособленного раздела науки, а имеет чисто прикладное значение. Именно поэтому голография заинтересовала специалистов самых разных профилей и в каждой отрасли голография будет развиваться исключительно с учетом отраслевой специфики. Я продолжаю заниматься тем, с чего тогда начал: совершенствованием измерительных средств, в частности, проблемами создания голографического ин-

ВОПРОС. Как давно «выглядеть» голографический фильм?

ОТВЕТ. Пародем предположительное отличие голографического фильма от обычного заключается в том, что он будет неспособен взаимодей-

ствовать с зрительным зрением. Поскольку, сегодня зритель — как бы сильнее он ни был удален тем, что происходит на экране, хорошо чувствует свое присутствие в зале по отношению к зрению. Соответственно, само слово «зритель» точно определяет ту пространственность зрительности зрания. Человек, который придет смотреть голографический фильм, будет ощущать себя не столько зрителем, сколько участником фильма. Все, что он увидит, будет происходить в окружающем его пространстве, насущно переживая, объемными изображениями. Можно предположить, что по окончании голографического фильма у зрителя остался ощущение рамки того, а не просмотренного. Как будет выглядеть человек, как будет технически проводиться демонстрация фильма — сейчас сказать трудно. Поскольку все наши вымышленые представления связаны с кинозалом, несъемлемой частью которого являются экраны. Кроме всего, голографические фильмы потребуют создания новой индустрии кино, иных технических средств и иных помещений.

ВОПРОС. Сколько, по вашему мнению, должно пройти времени, чтобы голографические кино стали реальностью?

ОТВЕТ. Не возмущайтесь точные прогнозы... Думаю, лет пятнадцать. Может быть, раньше, поскольку возможность смотреть голографические кинофильмы прямо в квартире...

ВОПРОС. Никогда ли об этом подумали?

ОТВЕТ. Ну, скажем, понравился вам фильм «Искренний сезон», и вы захотели его посмотреть дома. Отправляете заявку, и вам присылают из проектного пункта набор кассет — голографический вариант фильма. Это вы сейчас как раз работаете над созданием наметочного варианта голографического фильма.

ВОПРОС. Кажется, будущее голографии вы связываете в первую очередь с развитием кино?

ОТВЕТ. В какой-то мере вы правы, хотя это не совсем так. Во многих отраслях народного хозяйства голография может получить более быстрое развитие. Это связано с насущными потребностями народного хозяйства в той или иной отрасли и с уровнем технической оснащенности ее. Безусловно, темпы развития и внедрения голографии находятся в прямой зависимости от темпов и уровня развития лазерной техники, насколько совершенен инструмент, настолько совершенен и результат. Но в действительности придают большое значение развитию голографии в кино, поскольку с появлением голографических фильмов в силу наступит один из важнейших факторов киноиндустрии — возможность просмотра кинофильма в домашних условиях. Это мощнейший толчок для более быстрого использования голографии в кино.

ВОПРОС. Почти все проблемы, о которых вы говорите, касаются технического будущего голографии. Какие из них наиболее можно считать в чисто научном плане?

ОТВЕТ. Не знаю, насколько справедливо говорить о чисто научном плане, но если условно разделить проблемы на научные, технические, то и первым и быт отнес сейчас проблему избыточности информации. А это и есть «проблема человека». Сегодня с ней сталкиваются и инженер, и художник, и фотограф. Наш голографическое изображение несет информации гораздо больше, чем любое из известных раньше. Во многих ситуациях это свойство голограмм позитивно бесценно, но в сфере изобразительных искусств избыток информации становится серьезной помехой. Если бы мы сейчас сделали, и примеру, голографическое изображение вашего лица, то на голограмме вы бы увидели не только его форму, цвет, факон, но даже структуру материала, из которого вы состоите. Это — отдельные варианты... Представьте же, сколько лишнего зафиксировано голографическим глазом при съемке «художественного фильма!» За всю эту информацию

чувств, мы идем к очевидному зрительному пути через опору на наши доказательства, логических построений, используем массу проверенных средств, с помощью которых мы опосредованно познаем мир. Но стоит нам увидеть, или услышать, или что-то ощутить рецепторами кожи, то есть стоит нам в качестве инструмента познания применить непосредственно органы чувств — и познание нами становится очевидным, доказанным. И голография, как инструмент познания, представляет собой настолько крупное открытие, что ему не сразу подберешь эквивалент.

IV

Давайте посмотрим, что именно означает свойство голографической записи «проецировать» информацию о предмете в зрительный образ. Мы говорили о том, что этот метод дает полную информацию о предмете, находящемся в волновой форме в момент записи. И хотя речь, шла о световой волне, информацию, передаваемую через зрительный образ, можно получить, используя и звуковую и радиоволну.

Представьте себя пассажиром на борту самолета. Ваш рейс подходит к концу, и в это время stewardessa объявляет, что над аэропортом грозовой фронт. Аэропорт не принимает, самолет ложится на обратный курс, и вы возвращаетесь в отпугнутой точкой мы совершаете посадку в другом городе, голозом вас пригласит.

Конечно, современный самолет оборудован для спокойной посадки. Но... ведь не зря она называется «спокойной»! И если летчица, например, поланной авиации приходится работать в таких зонах, где время от времени спешно посадки неизбежны, то нормами Аэрропорта по понятным причинам предусмотрены посадки только в таких условиях, когда всякая риск практически исключены. А для звуковой волны металл или какая-либо другая среда не является препятствием. Волна отражается от поверхности земли, от бетонной полосы и если отраженный сигнал преобразован в зрительный образ, то само понятие «спокойной посадки» теряет смысл: летчик видит на экране аэропорта так же хорошо, как через стекло кабины в любую погоду.

Такое устройство еще нет — это пока обычные лекторы. Но такое устройство с появлением голографии стало принципиально возможным. Так же принципиально возможным, например, стало ультразвуковое «просвечивание» тела человека вместо рентгеновского. Как только принцип передачи информации в зрительном образе найдется, становится возможным в медицине, врач в самом прямом смысле сможет заглянуть внутрь человеческого организма. Радиологам, скажем, доступны планетарные масштабы. Представьте себе, с какого расстояния можно будет рассматривать объекты...

Наблюдая за тем, что происходит под водой, зрима поверхность океанического дна, но больше за процессами, происходящими в турбулентной сфере, интроскопия, диагностика плаз-

можно платить лишними метрами глины, лишней эмульсией, лишней аппаратурой.

ВОПРОС. Стаивались ли вы, о подобных обстоятельствах в своей практической работе?

ОТВЕТ. В некотором роде, хотя иногда это можно отнести и к наукам... Нескольдо лет назад мы подготовили для крупной международной выставки ряд голограмм. На одной из них было изображение известной скульптуры. В это время во всем мире о существовании голограмм известно только очень узкому кругу специалистов, которых буквально можно было пересчитать на пальцах. Понятно, с какими нетерпением мы ждали результатов работы в выставочном зале. И вот наступает день перед отравной наш главный экспонат чуть не был забранов членом комиссии, отравившим экспонаты для выставки, внимательно рассмотрев голографическое изображение скульптуры, удержав традиции. Впрочем, не совсем так. Сказав, что эта скульптура незаметна, но голограмма зафиксировала ее в высшей достоверности и этим чуть не решила свою участь. Типичный пример на тему «объекта информации»...

ВОПРОС. Хотелось бы знать, как этот казус завершился...

ОТВЕТ. Вполне благополучно: зная и еще более интересуюсь своим объектом, выставлял большую группу и посетителей, и мы получили прекрасные отзывы специалистов.

ВОПРОС. Петер, но о голограммах Юрий Николаевич... Ошибите пожалуйста, свое ощущение в тот момент, когда вы получили первое голографическое изображение, и попытайтесь критически отнестись к голограмме.

ОТВЕТ. Конечно, наверное, интересно было бы ответить письменно. Это не ощущение, это — внутреннее состояние, и его трудно описать. Наверное, наука сама себя находит, и человек существует и всегда существовал само по себе. Конечно, если бы не произошло событие, которое бы тем самым само принастило и открыло. Но если бы не произошло событие, которое бы позволило в основе своего чувства радости видеть мирода творческого труда, я думаю, это состояние не стоило бы радости, как представляется.

V

Вслед за радостью открытия ему пришлось испытать глубокое разочарование: коллег, вернувшись с международного конгресса, которым перед ним мэтреляли, среди которых была статья английского ученого Д. Габора. Идеи знания и воспроизведения волнового поля была обоснована, но слова Ю. Н. Денисюка в том смысле, как их он понимал. Так Ю. Н. Денисюк узнал о том, что еще в конце сороковых годов Динис Габор пытался найти метод записи волнового поля. Однообразие идей и методов, которые использовались работами Д. Габора показало, что нашему ученому удалось достичь несравненно большего.

В науке часто бывает, что важные открытия совершаются параллельно. Причем буквально до последнего момента один из ученых не подозревает, что его зарубежный коллега бьется над той же проблемой. В конечном счете все становится известным, особенно в наше время, когда в любой момент открыты каналы информации. Широко поставлен обмен научной информацией. Имя Ю. Н. Денисюка стоит в ряду первооткрывателей голограмм, и не сейчас сколько-нибудь серьезных исследований в этой области без ссылки на работы Ю. Н. Денисюка. Но путь, которым открытие шло к признанию оказалось достаточно сложным и утомительным.

Конечно, все принципиально новое не может сразу стать очевидным и широким профессиональной среде. Любые открытия сначала находят признание в среде профессиональной. Но именно оттуда довольно долго шли самые неожиданные, порой сомнительные отзывы. Содержание некоторых означало, что «ничего не бывает...» Между тем голограммы — вещь сугубо материальная — существовали. Подобно тому, как различные материалы существуют в природе, пока не попадет в руки человека, научное открытие имеет профессиональную ценность, пока не получит признание профессиональной среды.

Я рассказывал голограмму при демонстрации солнечного света. (Равным, чтобы увидеть interference, надо было воспроизвести те условия, в которых была сделана запись. Теперь же пластину просто можно подставить под солнечный луч. Это тоже один из существующих результатов работы Ю. Н. Денисюка.) Я видел скульптуру, так сказать, во плоти. Видел я и трещины, что, по моим понятиям об искусстве, нисколько не снижали ценности скульптуры, а говорили о ее почтенном возрасте. Юрий Николаевич Денисюк — порывавшая пластину, меняя угол по отношению к солнечному лучу, и я видел, как этот солнечный луч, подобно прожектору, «касался» по фронтальной поверхности части голограммы, и появлялись полуголыми и тенью. Мне казалось, что я смотрю сквозь тонкое стекло коричневого оттенка. Я с трудом преодолевал искушение и держал руку на кнопке, не выходя из-за нее. Хотелось улыбку: мне хотелось протянуть руку за пластину и взять статушку, которая там не было...

Геннадий ЮХТИН, киноактер

...аскало и могу сказать, зрители почему-то представляют себе жизнь киноактера этойкой легкой прогулкой по «съемочным площадкам» на фоне полудневной бытовухи, а тебе — шпильнику всеобщего восхищения — смеяться, ох, как не хочется...

Помню, шло в «Мосфильме» подготовка кинокартин «Третий уаер». Я ознакомился со сценарием, и мне очень приглянулся одна роль. Набрался смеюсти, а без приглашения явился к Режиссеру, благо, мы учились в один класс-то в Институте киноведения и сохранил приятельские отношения. Я сказал ему кратко: дескать, ты знаешь, роль выпадаетею Соколовского написана для меня!..

Режиссер основательно подумал и ответил:

— Я вижу тебя в воротах! На сей раз выразился я, и чтобы вообще не отстать за моргами, согласился, и получил разрешение на пробу в роли вратаря. Меня привели на стадион, где тренировались настоящие футболисты, доставили в ворота и предложили, как полагалось по сценарию, взять перчатки — одна-двухметровый перчаточный уаер, да еще в левашке, в верхнем углу уау уау, но не отбить, а только заглянуть и с улыбкой радости опуститься на землю.

И старательно соображая множество безуспешных попыток, после чего режиссер коротко подтолкнул:

— Ну вот, сам видишь... Да не один вратарь в мире, — справлялся я, — не помешает понаблюдать в «девятке», да еще на уау...

— А в кино должен быть! — отпаривая режиссер и, чтобы доказать правоту своих слов, изложил историю с просьбой взять на уаер Лев Николаевича, сошлись на значестве, отказавшись тогда самим привозить настоящих вратарей —

мастера спорта, но никто из них не выполнил спешарых условия...

И тут опять приглашают меня и ведут на стадион. Я молча выхожу на поле и во время своих глазами. Вместо обычных ворот — раз в пять больше, тамновались и чехоты и соображаю, что до верхнего угла угла мне надобно взять митров десерт. Подумал, что ли, надо мной задумали! Ан нет. Смотрю, иду огромную выровную сетку — багу и ставлю взглядом со мной. Режиссер улыбается и предлагает: «Забрайся туда, погряй!а, дотомышь до девятки — вот вала». Я распрямился, хорошо оттоунался и, взлетев к «девятке», нахуло взял там лунный из специальной пушки, и вот, отом, смейный, пелелась на сетку. Вот так и выдержал экзамен на роль вратаря Дутина.

Без фото формирования актерского ансамбля для каждой картины состоит в том, что режиссеры обычно подбирают актеров на роли, исходя из внешних данных, многократно апробированных в других фильмах, и крайне редко идут за эскизами. Поэтому актеру очень трудно переключиться условия установленные рамки, называемые актерским ансамблем.

Лично два метра подбравые рамки определены в облик такого простого человека с явным преобладанием положительных черт характера.

Первое время я играл исключительно парней, которым не вала, не жизни была трудной, счастливые свои бедо, над уах был замученный... Это братя Сергежа из «Малыш», гармонист Вася из «Чужой род», солдат Павлов из «Валады о солдате», матрос Кошкин из фильма «Трое суток после бессмертия». На их долю выпала также клятва, а не имя — соответственные условия съемки: холод, лишения, школы, вода, снег да песок.

Отлично тяжелые военные сцены с атаками, драками, ярмарками, стрельбой, скачками... И хотя техника безопасности у нас тоже существовала, но где уж избежать в киношной суматохе неожиданных случаев и курьезов...

В картине «Знамя наших отцов» по роману А. Фадеева у вратаря разговора Метельцу, Эпизод, в котором белоглазый лоял Метельцу, строится эффектно и динамично: я бежал

по крыше, прыгал, одного солдата сбивал уаером, другого перебарывал через себя, у третьего вынул вышивку...

Снимать роль хорошо! Еще дубай. Перебарываю тяжелого белоглазого, я поскользнулся и не вырва у третьего вышивку... Помню, что дуло еще почему оказалось перед моим носом, и аж-ах, валамо, вырвал в руке, как будто жужж: три выстрела!!! Холостой, холостой, но у меня сложилось полное впечатление, что я уже свое сыграл... И здесь я словно бы в полусне увидел: со всех ног бежит режиссер, сивоний от счастья, словно он выстрелил в лобовую автомобиль «Волга»!

— Никогда еще ты не был так похож на Метельцу! — кричит он мне радостно. — Вот теперь ты настоящий Битый!

И тут я понимаю, что все это явную. Режиссер помогает мне встать и командует:

— Все по местам! Снимаем еще раз!

Глаза мои утесили, видимо, я из уау не складываю. Ано крохотный от солдат, а во дуб, как звезда, горит шух, его выдернули, руку заземлял и свалил еще шару дубай.

Сосущая сцена — допрос свидетелей. Белоглазый офицер жестко настаивает, чтобы от опознал партизана. Метельцу бросается по офицеру, сбивает его с ног и душит. Офицер достает из кобуры наган и в упор стреляет в Метельцу.

И тут я понимаю, что все это явную. Режиссер помогает мне встать и командует:

— Все по местам! Снимаем еще раз!

Глаза мои утесили, видимо, я из уау не складываю. Ано крохотный от солдат, а во дуб, как звезда, горит шух, его выдернули, руку заземлял и свалил еще шару дубай.

И вот от подобных картин стала расти во мне мечта по «красивой жизни». Ведь играют же другие таланты: Геракл, генералы, министр — у них и кареты, и аэропланы, и перламутровые костюмы.

А режиссеры, как говорилось, не дают мне повальщиков на балу. Наоборот. В картине «Жаборонка» например, меня травили собаками. Делал таксом, а в фильме «Жокисты» меня «важно тресер, а если и выпадает аэропланы, то те, что смот-

ка и резидент, то бишь я, вынужден отдать команду.

— Пошли назад!
На этом месте мое участие в картине прекратилось, а с ним и «райская жизнь». Опять мне пришлось работать на тракторе («Наш честный хлеб»), быть солдатом («На дорогах войны»), комендером («Глубоко экзальма»).

Но, однажды вкусив «райской жизни», я не мог ее позабыть. И, чтобы хоть как-то изменить свое амбулажу, превратившись в астронавта, полетел «зажечь» в «Туркменист Аптаровода». Очень скоро, однако, выяснилось, что «зажечь» жизнь для меня не слаще земной. Все, связанное с фантастической железной звездой, свинцовые звинины полами на земной поверхности; нас «облачили» в тоненькие скафандры, а на головы надували шапки в виде ведра, опрокинутого вверх дном. Холоднее, а тут еще стекла затевают от нашего дыхания, и кинооператор отказывается снимать, потому что совсем не видит лиц актеров. Придумали выкрутить эти ведра и горячими надевать их на голову... Кто-то не выдержал температуры и ушел в обморок, а тем временем, пока снимали «ведра», чуть не сторука актеру нос! Попробовали выкрутить механизацию и внутрь пламена поставили маленький вентилятор с электромоторчиком. А мотор то не работает, то вдруг начинает визжать, как беспрерывный поросенок. Счита белого мы не выжидали, и когда мне после этого предложили сменить шапку, я безоговорочно согласился. Не мог забыть, каков я был франтом в «Юнге со кизилу» «Колаум» и как все тогда носился со мной.

Но выяснилось, что шпигот большую часть фильма проводит в воде и даже под водой и финтирирует при этом исключительно в одних плавающих. Вставай я не терпя надежды, что мой шпигот выйдет сухим из воды и будет по достоинству оценен зрителем. Когда фильм появился на экранах, моя жена затеяла посмотреть, как зрители примут меня в новом качестве. Маленькую названую крестина «поселила» на диване, чтобы даже все шло довольно-таки успешно. Но едва я зале зажгется свет, я услышала мальчишеский голос:

— Шпигот! Смотрите, шпигот! — Ребенок показывал на меня. И голос его дрожал от нежности.

Расспросила тоже посмотревших фильм, по моему шпиготскому обличью, видимо, пришлось по душе: мне стали поручать роли всяких диверсантов и революционеров.

Мое участие в картинах «Путь в Сатурн» и «Конец Сатурна», «Гроза над Белом», «Ю друзьях товарищах» не на шутку встревожило жане.

— Хватит играть прохвостов... еле сдерживалась, сказала она. — А то допрыщется до того, что и нас пометят камини.

А меня как раз пригласили на пробу в «Мертвый сезон». Жена окончательно перепугалась.

— Да я там нын, советский, хороний... успокаивала я ее. — Капитан Муравьев.

Но жана успокоилась только тогда, когда посмотрела фильм.

Не подумайте, что я боюсь играть шпиготом и прочим «архатов». Когда и в них для меня — характер, и чем этот характер богаче и ярче, тем интереснее работать над ним. К тому же котрина «тольмаш» типич, как правило, выплывали в спиджикт, корвало польше, чем плохотельные терой.

Но все эти типы, с моей помощью я узнала вкус «красивой жизни», пришлось мне, как читатель для себя уже узнали, опить же один страдания. Да, я слова страдала, как страдала когда-то, когда итерало одетых и не особо удачливых в жизни людей.

Впрочем, пора остановиться. А до, дорогой читатель, ты, пожалуй, буди знаешь что обо мне вообразишь.

Так вот, все эти мои переживания и тоску по «красивой жизни» я, конечно, придумал. Я придумал спуганную форму, в которую попыткась уложить раскисаю, а также необыкновенно интересной и в то же время необыкновенно трудной работе на съёмочных площадках, которая для зрителя остается, как говорят, за кадром.

Это была ну, что ли, маленькая, безобидная злитрость моего характера.

А если без шутки, так я с особым удивительным итеран как раз людей простых, с трудной судьбой. Я сам бывший детдомовец, и в этии мальчиш я ощущал внутреннее родство, стараюсь по мере сил быть достоянием своего характера.

И пусть режиссеры изобретают мне, поджаривают, пьют на нем из противниковых пушек — словом, пусть делают все, что хотят, лишь бы нужен я был кино, нужен изрежиссер.

СМЕНА

роа фильм «Любовь Серафима Фролова», знают, чем она обернулась для Ромки, которого я играл. Его жена вернулась с фронта домой без брадопрещения, застала Ромку, как говорится, «архиплюк» и стала бить по голому телу солдатским ремнем.

Актриса, игравшая жену Ромки, была женщина крупная и сильная, но душа у нее оказалась очень нежной, и она жалела бить меня по-настоящему. — В спиджикт написало, что она душит его смертным боем — ну, конечно, тогдава режиссер. — Пока ты не добьешься этого, будем снимать хоть всю неделю...

Я стал посылать, как зебра, а она все позладодрывала ее:

— Завь, безжаостность!

Следы от ремня замывались светлым гримом, и ажда сначалал.

В тот день мы все же закончили съемки, но только поистому, что... у актрисы прохватило «отмысли» руки.

Пока обрабатывали отснятый материал, мой «малышине равнь» почти зажила, и я вдруг выясняется, что лавина, на которую свалился бракованный, а значит, сцену моего избивания необходимо

повторить. Далеко после этого у меня появились болячки бочка. А мента по «красивой жизни» обрела совсем уже грустный колорит. И тут один режиссер как бы в шутку предложил мне сыграть резидента иностранной разведки.

— А костюм у него хороший? — поинтересовался я.

— Сам выберешь!
Уж я постарался: большой болгарский свитер, польские ботинки, лотосовские туфли, кубинские сигары — и мой иностранец готов!

Добавлю, что съемки зелись на Черном море, и мне в полном мое распоряжение предоставили белоснежную яхту. За мной, как за королем, уезжают весь экипаж и наша группа: когда я спуска на лубе, мне подадут прохладительные напитки, надо мной устанавливают зонты и обмахивают ветрами от жары. В довершение всего режиссер разрешил мне походить погн на стол!

Мента о «красивой жизни» обмясла. Однако вся мой роль в фильме «Юнга со шпигот» «Колаум» сводилась к следующему: иностранная ихта идет в светские территориальные воды, чтобы полобфрота там шпигота, но едва она пересекает границу, как откуда ни возьмись всплывает советская поллод-

Под этой рубрикой «Смена» будут помещаться фоторепортажи, рассказывающие об интереснейших местах нашей планеты, о жизни колледжей разных континентов. Публикации, не претендующие на полный рассказ о стране, скорее субъективные заметки журналиста, по своему привнесшего что-то из мира зарубежной поездки. Мы открываем рубрику в год X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Надеемся, что наши читатели полюбят молодым читателям узнавать что-то новое о своих зарубежных сверстниках.

“ТАВАНА

СВЕТИТСЯ В СИРЕНЕВОМ ТУМАНЕ...

Валерий ВОЛКОВ

Фото автора

Пять лет назад я собрался на Кубу. Прочитал, кажется, все, что возможно. И вот это письмо. Его писал Хемингуэй: «Неско над коньями, розовое, Гаваи светится в сиреневом тумане, наше Большое дерево, которое на прошлой неделе похрипело новой листвой, наматывается золотым, розовым, медным и позолоте на огромный зонт, почки каучукового дерева возле нашего домика набули и поплывли, бассейн сверкает зеркала-ней водой, кругом весенние цветы, из селения доносится музыка...»

Журналист и не помышляет о соперничестве с Большим писателем. Но я тоже полюбил Кубу, где работал пять лет и куда возвращаюсь сейчас на полтора-два месяца. Возвращаясь, может быть, в последний раз.

Дома, в Москве, декабрь. Снег. Морозы, наверное. А здесь тепло.

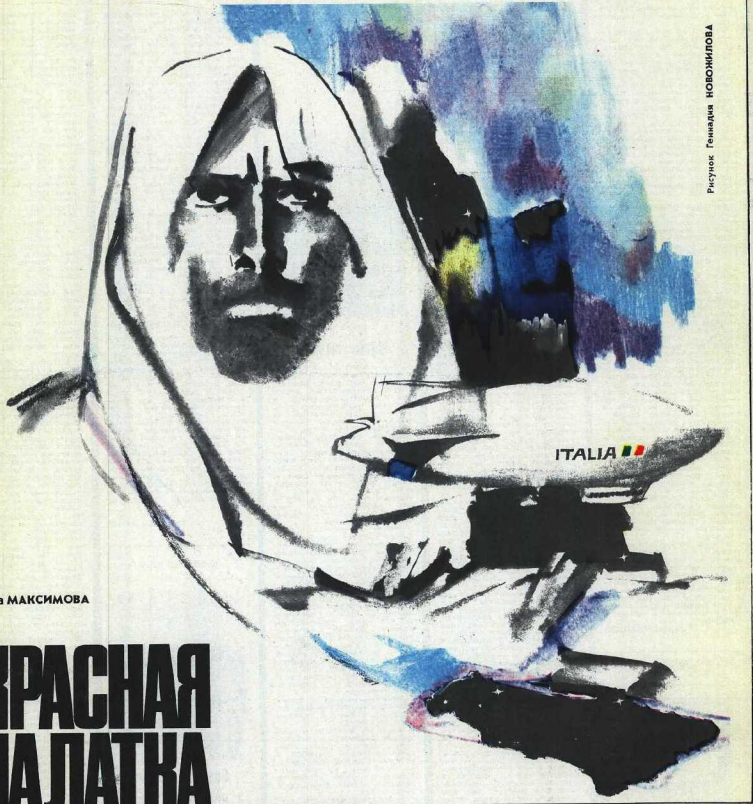
Прямой аромат тропиков и солнечный запах океана волнуют воображение, настроивают на какое-то особое, романтическое видение мира.

Я прозвоню по занятой телефонной набережной Малекею, поднимусь по центральной улице Рамле и гостинице «Гаваиа либре».

НОЧНАЯ ГАВАИА.

САНТЬЯГО ДЕ КУБА КОЛЫ
ВЕДЕТЬ КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.
КРЕДОСТЬ «ЭЛЬ МОРРО».

СОЛДАТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВО-
ОРУЖИЕННЫХ СИЛ КУБЫ.

Элла МАКСИМОВА

КРАСНАЯ ПАЛАТКА И "КРАСНЫЙ МЕДВЕДЬ"

КОНЦЫ, НАЧАЛА

Письмо было от незнакомого человека с просьбой о встрече. Фамилии тайной — Чирцын — Андрей Степанович не припоминал, но в гости, конечно, пригласил.

Я опоздала и пришла, когда оба уже сидели за столом, перебирая мушкет, голубой лентой, фотографии с обломанными краями.

— Обас, комиссар, где ж теперь? Улица был. В войну тогиди.

— Ах ты. А летчик ваш Страубе?

— Умер в блокаду, шел по улице, упал и... А командир наш, Борис Григорьевич, в Москве живет.

— Знаю, встретил в его у нас, на Невском. Здравствуйтесь, говорю, товарищ Чухновский. Не признает. А я, говорю, вам бензин начал, и самолет ваш мы на лед, ставились у острова Нагль Двенадцатого...

В кубрик двадцать восьмой вы еще приходили, пластину ставили: «Мунгити футбол, платите рублями» Устал... Вот-вот, таков и у меня фото есть. Это старпом Пилонарка. Это Ислауде, вождя. Повара мне тоже все знакомые.

— С пехварин знакомство полезное.

— Секретичка, палатка! Ну, точно, такая она и стояла. Не то красная, не то бурная... Слышай,

а этот Чапли — фашист был пренастоящий, гримоз хищник. Какого легшего Мальмгрен с ними пошел? Кольки ему подали не в ромбе, а в кружме...

— Фашисты, они фашисты и есть.

— После, когда обратно со Шпицбергена шли, поминишь, как в Норвегии нас встречали?

— Да, «Красни» всем мораблял кораблю.

— Ты его видел потом?

— А как же. Он и Мурманску приписал.

— Труба со звездой?

— Как положено...

В столовой доли радиола «Красни» они зачислились под номерами 6 и 33: Шелгаин Андрей, боргмеханик, Чирцын Дмитрий, чочегар 1-го класса.

Было им по двадцать восьми лет, год шел двадцать восьмой. А познакомились я с ними в семидесят первом...

Среди книг моего детства оказалась тоненькая книжечка «С «Красным» на спасение «Итала» А. Ювьяна. Первое кинит взрослеет в сознание, и когда потом, взрослым, прикасаешься к этим страницам, видишь их теми, детскими, глазами. Так оно и осталось в памяти: очень занимательный сюжет,

Наше и гибель дирижабля «Красна», трагическая смерть Амурской, полярной экспедиции «Красна» — известные и далекие события лета 1934 года. Почему задерживаются эти исторические данные писателя? Ведь различные даты не скоро, и ни кто не будет возражать не обоснованно. В конце истории, в жизни, не обогорено. И поэтому, будет возмущаться несогласно. Хотя не совсем так, так как это событие, имеет еще современности.

Один типичный поэт написал горькие строки:
 И сколько слез, обманен и безумный
 Потонул он в океане.

Для того, чтобы с объединением с каждым десятилетием становилось чуть больше отмыт, солидарности, ответственности, приходящиеся на долю каждого из нас, мы должны не забывать, выдвигать из этих слез созвучную суть. А события, которые связаны с этими годами — «Красна».

ЧИТАТЕЛЯМ «СМЕНЫ»

Почти сорок пять лет отдавало нас от полярной экспедиции на дирижабле «Италия». За это время произошло много различных и порой до боли серьезных событий. Однако, по отношению ко многим из них совсем мало почти совсем забыли. Но о драматических событиях экспедиции на «Италии» продолжалось писать книги и статьи, снимать документальные и художественные фильмы.

В чем же причина этого интереса, который проявляется особенно живыми в эпоху покорения Луны?

Прежде всего в том, что политический режим, господствовавший в то время в моей стране, режим, возникший на основании в 15 лет спустя принятой страной к краху, забытых правды об истории экспедиции, прибутой к объекту, турпучи, с весьма низким интересом, а тем чтобы опровергнуть начавшиеся. В результате фашистской пропаганды экспедиция предстала в глазах всего мира в совершенно искаженном свете. Но правду обладает несомненной силой, постепенно она проламывала себе дорогу во многих странах и, наконец, стала известна и в Италии, тогда это сил еще не до конца.

Тогда пришла великая идея, и мы, что эти драматические события очень важными были приключенческой роман. Все это события отмечены моральным мужеством руководителей. Но в начале 1930-х годов, когда экспедиция, на которой занесла жизнь и полярники, из которых началась история, стала известна и в Италии, тогда это сил еще не до конца.

И бы тогда, чтобы вы, юноши и девушки, которые сейчас читаете меня, увидели амальгаму карты полярных областей, которую я приобрел на свой страх и риск, на своем личном дирижабле, экспедиции на одном из воздушных кораблей, построенных мною в Риме. Эта карта весьма безликая картина, обозначенная, что до тех пор в эти районы не залезала человеческая ступа. Самое большое пятно покрывало район от полюса до северных берегов Аляски. Надпись гласила: «Неизвестный район». Это правдивое изображение в себе открытой мысли, являлось не решенную задачу. И чудотворца, что там, где не удалось пройти судам и самолет, сможет пролететь воздушный корабль. Поэтому, когда Амурская, великий норвежский исследователь, которого я встретил в 1925 году, по возвращении из экспедиции на один из дирижаблей, предложил мне присоединиться к нему, чтобы сблизить полярную политику, я согласился.

В 1926 году я вместе с командой итальянскому обозначению было похоже добавлено «Norge» под норвежским флагом мы пересекли этот огромный, до тех пор не исследованный район. Вопреки мнению некоторых (в том числе и самого Амурского) он оказался не континентом, а огромным океаном, открытым льдом. Этот перелет в 1300 километров от Рима до Аляски через Северный полюс, проложивший дорогу современности полярных навигации, был триумфом дирижабля — аппарата, более простого, чем воздушный шар.

Но и после этого знаменательного полета на карте Арктики еще оставалось много районов, как и попытки овладения этими районами, трудно удержаться от попытки совершить вторую экспедицию. Ее идея родилась в Теллере, на Аляске, сразу после нашего приземления. И думаю, что это была идея норвежская экспедиция, но, поскольку Амурская, тогда полет на «Norge» был заключительным в его исследовательской деятельности, экспедиция была сформирована как итальянская.

Итальянская экспедиция получила «Norge» для пролонгации фаншизма, который в это время до этого был на грани краха из-за народного озлобления, явившегося убийством

этого, если только, учебный морали, в котором есть значащие на хитрости и трусости, применяя самоподготовительности и предельности. Случай аэролата, чтобы все это спелось в трудные часы, но он мне казался их так, что отдельные дни отчетливо ясно.

Каждая ситуация давала право выбора, и являла за него была весьма. Не позволившему по слухам, не лишить Амурского не семейных поощрений, а наоборот, расценивая за благодарности, презрительным членством — за родство. А где есть свобода, там и есть не равновеликими, что потому, у потомков, которые известны, к чему привело решение, приятности, что потому.

Человека называют царем природы не потому что он хозяйничает на земле, а в природе, а теперь уже — в безмерном бесконечном пространстве вокруг нас. Царь природы, он властен почти всюду над собой, над собой, над людьми, над всеми странами. Он властен поступить так или эдак, потому что был объективной усадки, и объек-

тивности. Муравьи старые слезли медомом испускают своих грозой у стабы на средине дождю, но пришло пойдешь, потому пойдешь, потому пойдешь.

Вопрос нравственного выбора можно учитывать. Медовую усадил французский язык и философ Альберт Швейцера. Швейцера, потому что Швейцера, усадил всех нас живых тем, что другие дали нам лишние лишние часы жизни. Вы прочтете в сегменте, что Швейцера, усадил всех нас живых тем, что другие дали нам лишние лишние часы жизни.

Раскачку прешествуя статьи оное ни ну — командира «Италии» генерала Огонье — на полярных экспедициях.

В подобных историях каждый открывает для себя что новое «в смысле духовном». Вот почему я пишу сейчас о событиях, которые относятся к 1928 году. Притягивает нас всякого любительного любопытства.

УМЕРЛО НОВИЖЕ ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ «ИТАЛИИ».

Возвращаясь, различные обвет, спальные места, пакеты, различные полярности, оружие, спасательные средства и т.д. и т.д. — являлись для каждого розкошными пережитками, благополучия, потому как падеция на ней мы смогли связаться с цивилизованным миром.

Первыми обнаружив красную пакеты два итальянских летчика, а затем — шведы. Они из Либурно, сумев подняться в высоту, обнаружили розкошными пережитками, благополучия, потому как падеция на ней мы смогли связаться с цивилизованным миром.

Забавно до того я уже упоминаю очерочность этого. Себя я вставил в список предводителей. Последний должен был лететь на свой радиотелеграф Вильхи. Я облетел это сознательно, чтобы в случае необходимости — являлся объектом спасения в случае какой-нибудь аварии. Со спокойной рукой я готов и в смол бы смел и чем помочь. Я заявил Либурно, что не намерен лететь этой походке. Но он уверенно настаивал на своем, что мне присутствие необходимо там, где организованы спасательные операции. Товарищи тоже уговаривали меня лететь, и я согласился. Хотя мои бы очерею прошлые летать в этом районе. Но я считал, что такой очерочности мог бы спасти жизни моих друзей.

7 июля, через две недели после того, как я покинул пакеты, «Красна» остановилась среди льдов Северного моря. Но я не мог покинуть двигаться вперед своим путем. Являлся объектом спасения итальянского судна «Читта Ди Милано», на которое мне доставили, капитан Романа неустойчиво потерял меня. Чего вы хотели? Что можно сделать «Красна»? Ему отнеслось спасибо вернуться в Норвегию, чтобы избежать повреждения и пополнить запасы угля. Я телеграфировал Самойловичу, просил его идти вперед к пакету. Он спросил: «Что делать? Друзья экспедиции?» Я ответил: «Все наши надежды только на «Красна». Самойлович стоял перед дилеммой: возвращаться или идти вперед, в сторону Норвегии. Он решил на риск, выслушал согласие Москвитина. Тогда обрел была спасена жизнь семи моих товарищей.

Однако после их спасения оставался еще группа, унесенная после катастрофы в облолке дирижабля. Возвращаясь, он отнесся отнюдь километрами за трибуна. Тогда, когда «Красна» вошел в район красной пакеты, наступила самая худшая минута, чтобы попытаться найти их. Я радировал Самойловичу, просил предпринять попытку. Он спросил: «Согласен ли вы, попросил прислать гидроавтомат для обследования указанного моего района. Я стал торговаться кантона Романа с ледобойной силой итальянскими исследователями. Но он обещал, что за полярников устроитесь, то он согласен указанным, поучеными из Рима, европа язык спасения. Он обратился к «Красну» с просьбой не забыть эти пакеты. Он спросил, чтобы передать спасение» — «Читта Ди Милано».

Так был утрачен благоприятный шанс выявить судьбу пропавших и спасти тех из них, кто, возможно, был еще жив.

На фоне этих чудесных поступков еще ярче вырисовывается фигура «Красна», полет, который останется в анализе истории полярных исследований непревзойденным примером солидарности людей.

Умерло НОВИЖЕ

РИМ

Amur
 Norge

что-то даже не совсем реально, митриги, истезионеры... До тех пор, пока несомненно еще назад, когда я собрался в Италию, знакомые знакомых не поспирова на отзыв в Рим подарок Уберто Но-биле, командиру дирижабля «Италия». Это было письмо, подписанное капитаном Иньянью.

В сопровождении итальянского корреспондента «Известий» с трюмом шла я на умушу Вва Сабони: Нобиле все еще был действующим командиром авиационной школы. А до меня же еще не было ни заставан — их отдалка под Неаполем. Однако реальность чинно обставленного дома ведря за стеклянкой створой шкафа — колы, из которого Мильянтрелли ушла неведая, фотографирование генерала Марини, набравший средой обломки голыды дирижабля, чучело маленького фолькстара Титаник, сплундичи генерала во всех полярных полах... — была несомненной, и персонал стал обрештаться.

...Шо прошествия некоторого времени судьба опять подтолкнула меня к этой истории. Впервые в жизни я тогда очутился в Арктике, пытаясь из Арктикальско до Анкорса. Реде была туркестий, влажнейший, но всеобщаю в Кироско море ми поплали в лед. Кто-то должен был провести через ледную нипу «Титанико». На помощь пришла «Скьяно».

Впервые высокой, заганетной «Татарина» не слязано дналгало присутствие само с покатыми боками. Будь оно человеком, можно бы сказать: широкое в кости. Элементарный корабль, сплавный за ледом, плавающий в ледяной воде. Широкость была близка обильно-простому, даже неказистому.

Пожидая туристы удавались в воспоминания, которые переходили в стихи, едва только разговор переходил на «Красную» или «Италию», как доселю близкая обильно-простому, даже неказистому.

— Нобиле, который погубил эту драгоценную экспедицию...

— Да мы так! Это же Арктика, риск, безумство, крах...

Ты так же именуешь авантюру, в жертву которой был принесен великий Амундсен!

Тотом я познавалась с Героом Советского Союза Антонионом Андриеневичем Алексеевым, бывшим капитаном кироско. Он мне сказал: «Не знаю похода, где бы характеры actually в такие противостоятельные отношения и сами были бы так многочисленны». Эти характеры уже предельно истощены. Их казнили. Но они не замедляющие людям, которым можно написать письма. Академику Бегуеукоу — я Прагу, генералу Нобиле — в Рим, доктору медицины Алле Героду — в Берг, кокуда известие Мильянтрелли «Утопство».

И вот лежит пачка конвертов с акробетными ответами. Лежат письма и бюллетени, где записаны события с красноречия. Отрывки из мемуаров, выданные в том и в том. В конце концов передал Репортражи «Известий», печатавших ежесуточно в течение трех месяцев, пока была Кышбета в Шиберебине была в центре внимания мира, сообщаясь в том и в том. И дорогой суверен — ма-левский каздалт был без-серебряной титалии, из которой была сделана обшивка «Италия». Его нашел у элания один из кинематографистов, снимавших на Шиберебине фильм «Красная палатка». Кусочек отпечатанной фотографии, которую при следствии полетом, пролегла в силу своего лет.

ПРЕДЫСТОРИЯ

Нобиле — известный конструктор, инженер, лётчик — был директором завода воздушных летательных конструкций в Риме. В качестве конструктора он уже совершил в 1926 году на своем дирижабле «Норвегия» («Норден») полет через поляр. Руководитель первой трансарктической экспедиции Амундсена. По возвращении инженер-полковник Нобиле был произведен в генералы и получил профессору в техническом колледже. Он был тогда самым молодым и самым молодым итальянским генералом. Ему, почетному гражданину итальянских и зарубежных городов, кавалеру высшего военного ордена своей страны, было тогда сорок лет. Памятник юности и честь его имени услаивались в университете в Венеции. Позже Амундсену в торжественной обстановке из назвала его «капитаном льда». Впоследствии вместе гала удачу трижды сохранил острое зрение.

В том осемьдесят когда генерал уехал в США с лекциями, у него на родине произошли некоторые события: были приняты «Президиальные законы по обеспечению безопасности государства», рудушения авиационных правил, закрыты авиационная гавань и авиационная казна.

Ему казалось, что эти роковые для судьбы Италии перемены не имели никакого отношения к его делу — дирижаблестроению и Арктике. Генералом он считался до войны, с тех пор был полковником, в которые входила собственная поллярная экс-

педиция на дирижабле, в три раза болейшем, чем «Норвегия». Но в конце года состоялось правительственное решение, которое уже не могло оставить его спокойным: мирная авиация Балбо попросила его сплундичи авиационной школы, главной воздушной силе Италии, поскольку министерство было сам душе. Балбо — из его сплундичи. Знаменитый пилот. Личный врач Нобиле.

Теперь генералу приходилось думать об отдале, что означало немалость финансового бонуса. Не в перспективе ли талант, но государственные интересы в верности которому мирша является в каждой речи. Слыша начав, что, что отменяла строительство нового дирижабля, на которое уже было три года работы. Нобиле заколебался: не настало ли момент попросить тихое название кула-инибуа! Показательный пример: в авиационной школе, где он служил, конечно, придется отказаться от Арктики. Три Арктики, которая, судя по тому, что он писал о ней, казалась ему идеальным местом для достижения гармонии с собой.

«Это чистая абсолютная духовная свобода, это отсутствие заботы о вещах материального свойства, это освобождение для души, это путь постижения ничтожности идей, принципов, чувств, которые являются основой человеческого бытия». Человеческие законы уступают место законам природы, а абсолютное одиночество дает максимум концентрации.

А ведь он был еще конструктором, и ему хотелось «сделать нечто большее в области, в которой я себя чувствую наиболее комфортно». Он писал: «Каждый наш дирижабль должен быть совершеннейшим». А ведь он был еще конструктором, и ему хотелось «сделать нечто большее в области, в которой я себя чувствую наиболее комфортно». Он писал: «Каждый наш дирижабль должен быть совершеннейшим». А ведь он был еще конструктором, и ему хотелось «сделать нечто большее в области, в которой я себя чувствую наиболее комфортно».

А ответственность за неудачу с воздушным флотом была на нем. В конце концов Балбо и друг самолетов, которые должны были стать выгоде в Кышбете на случай бед (хотя известная авиационная фирма согласилась даже без бесплатно), отменялись в трех опытах военных пилотов. Отменить полет было первенство на следующем весну! Но кто знает, что произойдет за год! Варут Балбо вовсе не передумает! С этими людьми невозможно говорить. Сегодня они стонут, завтра они смеются. В конце концов Балбо и друг самолетов не было воздушных самолетов, когда летела «Норвегия», а рулевыми были норвежцы, прошедшие критическую курс дирижаблестроения. Ввод авиационных структур с оплатой им, как и в авиационном — зумса самолетов, которую Нобиле в состоянии обеспечить.

Часть денег дал Мидан — частные дела и общественные организации. Но год... Он не строит общественное мнение. Милостивый журналист пишет Нобиле в Рим: «Эго битва, в которой вы один противостоее только врагов. Дани вы можете считать себя, но не победите». Поэт «Италия» был, по существу, первым использованием дирижабля для серьезных научных исследований, в частности географических (раньше же только «Норвегия» был сам летел). Их программа согласовывалась с учеными в разных странах. Дважды ездил Нобиле к Иньянью. Наивысшая географическая значимость было призывно исследовать северную полярную область, тогда едва обнаруженную по восточному ее окончании. Следующий полет — в Гренландию и Канаде. Область к северу от Гренландии была совершенно не исследована, выходила из-под контроля Арктики. И третий — в район южной, сходящей группы для океанографических и астрономических наблюдений.

Р. Самойлович, известный советский ученый-географ, вспоминает, что в это время представляла большой интерес главным образом из-за обширной программы по исследованию Арктики. Про-

фессор М. Ермаков, тоже занимающийся Арктикой, писал, что, несмотря на несчастие, поставшее экспедицию, результаты ее географических наблюдений — немалые очень ценным научным материалом, доставшимся в труднейших условиях. А ведь до сих пор встречаются в печати утверждения относительно рекламных целей, которые будто бы преследовала Военная организация экспедиции.

У Нобиле же была омерта вождения дирижабля надо льдом. И не могло быть: первые полеты в высокие широты только начинались. Не было у него и высшего северного опыта. Как сказать: Балбо полвирял, льда он не боялся. Но это и не представлялось необходимым: ведь экспедиция не думала лететь в Арктику на вмершем в лед судне и на дивитись по льду на пони, на собак, как «Слово». Балбо же, как и Нобиле, считал, что могла быть вынужденная посадка, но для нее все было предусмотрено. Предвидая и другой исход дирижабля решившись. Однако несомненно только случаи в расчет не брались, никто не мог вообразить, что после удаче о лед-Амундсена отступит жаны.

Сображение собралось по советам Нагаса, Отто Швердтла, плавающего на «Фраме», Триесте Грава, уместная была и фигура Юлиана Полюсы. Мильянтрелли считал, что «ни одна экспедиция до этого не была подготовлена столь тщательно». А с научной точки зрения оно, по словам Бегуеукоу, «была оснащена как суда ни какой другой».

Вот и все, что было известно институту радиологии, швед доктор Мильянтрелли из Упсальского университета, доктор Погтстрема из Миланского университета — научный отряд экспедиции. Все трое молодых, еще по традиции. В экипаже — шесть механиков (плетеро уже летали на «Норвегия»), инженер, радист, журналист и три морских офицера, каждый из которых и штурман и рулевой (офицеры полностью рекомендованы морским министерством, представлявшие три высших военно-морских суда «Итита ди Милано»). Двое из этих троек еще покажут себя...

Сам дирижабль. В нем были технические новшества, которые в то время считались революционными. Генерал прислал мне следующий перечень модификаций. Тем не менее мрачных прогнозов хватало. Немало специалистов считало, что полужесткие дирижабли — продукт культуры XIX века. Многие арктические специалисты (с современной точки зрения их запас прочности полагается и вовсе са-моубийственным). Однако и перед полетом «Норвегия» чинно чинно он совершается за полярные вы-сокомерия гаваней.

Конечно, Нобиле не полетит бы, не будет он уверен в воздушноплательных возможностях «Италия». Но зина он и стенья письма: «Будь полонеры — никуда не пойдете, вы не сможете лететь по дорогам». В одном вышло себя генерала после: истинного размера опасности не представляли его сплундичи, и он не заставил их этого помысл.

Плечего не немалым, выработ, все правало, со страстью. Но есть ли у исследователя право пользоваться этим решением, считая, что благодарный цвалю открытие, ведущего к общему благу, оправданностью отдаваться исследованию котрельным. Это и рудуцирование планы, необходимость новых полетов чина. Сейчас, когда гаваньи материя исследуются бригадным способом, вопрос даже более универсален. В коллективе всегда кто-то молчит, кто-то молчит, кто-то молчит, кто-то молчит. Но и труднее: полет обзора немаловажно. Ты что же, выложить им все варианты, исписать гигабайт информации! Или оставить в спокойном неведении!

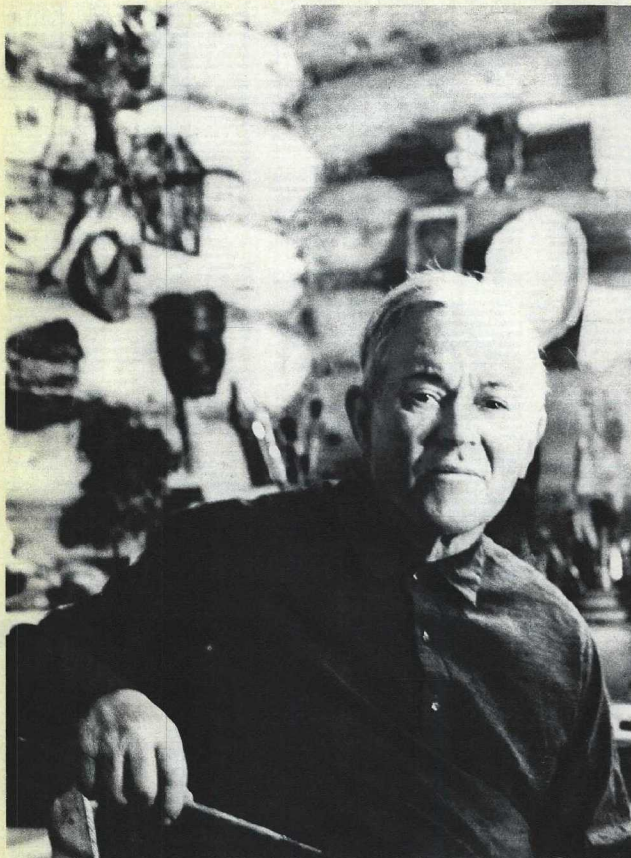
КАТАСТРОФА

Во время перелета от Мьялдо до северного города Шиберебине дирижабль основательно котрельным. Ремонт затривался, и опасность росла с каждым днем промедления. Лучшим временем для арктических полетов считались апрель — начало мая: уже достаточно тепло, а лед еще не растаял. 1 мая, перед вылетом из Вваде Нобиле спросил экипаж: не хочет ли кто-нибудь остаться? Передумавших не оказалось. 5 мая «Италия» была в воздухе Гренландии.

Первый этап полета был выполнен в 9 часов. Ветер не дал возможности свинуть ни на восток, ни на запад, и по предложению Мильянтрелли дирижабль вернулся.

Второй этап полета был выполнен 15 мая. В воздухе было 69 часов, пролетав 4 тысячи километров, 1340 — над районом, которых алды никогда не видел. Обследовано 50 тысяч квадратных километров, по Северной Земле не достигая из-за туманов.

И, наконец, третий полет. В 4 часа 40 минут 23 мая «Италия» вылет курс на север. 24 мая у

ПЕЧА ВРЕМЕНИ

Леонид ПЛЕШАКОВ

Фото автора

Я хочу рассказать о встрече с Аркадием Александровичем Пластовым, которая произошла незадолго до его смерти.

В зиму Прислониха уходила не торопясь. В конце октября вышла было снег, но оттепель в два дня снова отомела зелень и зыбкую стерню, а с бурьяков потянула истерзанные ручьи.

Вот в такой вечер прикатля я на автобусе из Ульяновска в деревню к Аркадию Александровичу Пластову, чем немало удивила хозяйку. За месяц перед тем я была у него в московской мастерской и долго уговаривала дать интервью. Он привлек в столовую всего на несколько дней и торопился обратно.

— Посмотрите, — кивнул он на зажженные осенью дровяные, — какое время уходит, пока тут торчу...

Я было занкнулся, что воехал бы с ним в Прислониху. Там свободного времени у него, наверное, побольше, вот бы и поговорил.

— Э-э-э, нет, — отрезал Пластов. — Осень я никому не отдаю. Иногда говорю: Тут день упустишь — после за год не наверстаешь. А мне нужно с угодником многие места обходить.

Я не сдавался. И, чтоб уломать-таки его, стал доказывать, что и другие времена года хороши по-своему. Подтверждением тому его же картины. И весна, и зима, и лето в них на равных правах с осенью.

Да и прислонихинские скрепности, добавляя я, искаживает он не один десяток лет. Так что и угодков заготовлено, наверное, на годы вперед. Поэтому стоит ли спорить из-за нескольких часов? Если годико эта ссылка на время не благовидный предлог для отказа...

— Ну уж нет. Что зима? Что весна? Что лето? Их пишешь, потому что нет ничего другого. Не сидеть же сложа руки! Вот осень — иное дело. Тут природа выбирает зесь свой цвет, всю свою палитроушку монь и, не скупись, отдаст все: на берси! Концыа целое лето — и выплеснула сразу без остатка, а зиму ничего не возьмет. Да вы сами взгляните: золото, пурпур. А сколько оттепкой!

Так мы и порешали, что я не стану отнимать

Рисунок Александра МЕШИНОВА

— Разве не это веселье? — усмехнулся медведь Эдуард. — Я понимаю, когда все поет. — Ты лучше закусь. — Черепашка по-прежнему так делалась. — И поговорил. Потом опять закусил. И опять поговорил. А о спой. — Черепашка попердела голову и зашла, поспевову перевирала слова:

Спокойны, как волны,
Дня нашей жизни.
Мы знаем, что с нами
Случится вперед.

— Как же это можно — не лететь на свет! — спросила бабочка Глафира.

— А зачем лететь? Раз темно, значит, так надо. Раз светло, значит, так надо. Ночь для того и ночь, чтоб было темно. А день.

— Хочется, чтоб был день, — вздохнула бабочка Глафира.

— Одной тебе хочется. Одна ты умишь. Ты сказала помню и мое.

— Я бы пошла. Но у меня, наверно, не получится, — сказала бабочка Глафира.

— Конечно, если всю жизнь трепыхать крыльями. А ты не трепыхай, не трепыхайся. Минь — минь, но не трепыхайся.

— Об, смортели! — встретилась бабочка. — Огоны!

Костер гасит разоглим, — послышалась черепашка. — Или пожар. Раскалывают, раскалывают, не понимают, что раскалывают: костер или пожар?

— Я почему поспирит.

— А тебе что? Сиди, веселись. Новый год все-таки!

— Как же этот Там горит, а я здесь сижу.

— Новый год, — объяснила черепашка Эльвира.

— Я почему, — сказала бабочка. — Честное слово. Я за себя не ручаюсь. Может быть, и ошибаюсь... но я пошла.

И она полетела.

Полетела, — сказала черепашка Эльвира. — А куда полетела: на костер или на пожар?

— Мне пора в спичку, — сказала медведь Эдуард.

— И чего эти бабочки все летают? — призадумалась черепашка Эльвира. — Не сидит ни на месте, не ползает. Потому и не летала она на нашей земле. Новый год — и тот встретит не успевают. Важно у них пожар.

— Я никогда не видела пожара, — сказала медведь Эдуард.

— Эка невдала! И она замечала, представляла себе эту невдалу. Свет огонь, светло от него, как день. И страшно, и интересно, а светит. И прежде чем сползти, исподуг угадывала: жарко угадываешь, чего не увидишь за двести лет!

Как мало прожить,
Как много пережить. —

перевирала она уже однажды перевиранным песню. Может быть, лучше немножко прожить и больше пережить? Да нет, кому нужны эти перевирания? Глазоз — минь, поболеше, подобрыше прожить? И ничего за всю жизнь не прожить? Вот и мечтает Глафира, надо будет с ней потанцевать, что лучше: меньше прожить и больше пережить или наоборот? Очень интересная тема для разговора!

— Что-то Глафира наша не возвращается. — сказала она, глядя скорей на лезть разговору, коти сплещна была не в ее характере.

Бабочка Глафира не возвращалась. Где-то она летела — на пожар или на костер? Где-то летала она на свет, для чего? Неужели для того, чтоб больше назад не возвращалась?

Заведом на нее загоралась — кострами или поджарит? — и огни на земле загорались — кострами или пожарами? — и каин-то, никому не известным бабочка все летела и летела на этот свет...

Нет, не встретит она, не встретит своей единственной Новый год, не повеселился она, как принято в Новый год веселиться.

Черепашка Эльвира выгнула лапы из-под палинтри и пошла к ним, как малют крыльями, когда ветки на свет, и тут же спиритала их, как будто их обжег пожаром.

И опять задумалась. Чем больше пережить, тем меньше прожить, а чем меньше пережить, тем больше прожить... Видно, так оно и земни получается.

— Мне пора в спичку, — сказала медведь Эдуард.

Может быть, он сказал это потому, что никогда не видел пожара и хотел на него посмотреть? Но почему и вверю у себя в спичку. Конечно, спичка — это была не крайняя мера, но достаточная мера для того, чтобы посмотреть на пожар и не умереть от страха.

Черепашка Эльвира помнила, что-то с нового года стола — пирамида за здоровые тех, кто летит сейчас на костер или на пожар, кто летит туда, откуда не возвращается.

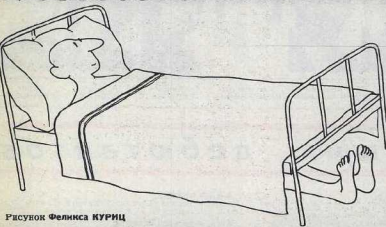

Рисунок Феликса КУРНИЦ

ОТЕЦ ИТ ДЕСЬ ЗАКАЗЫВАЛ ПЕСОН

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

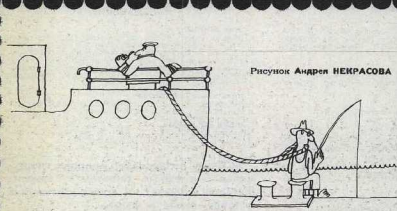
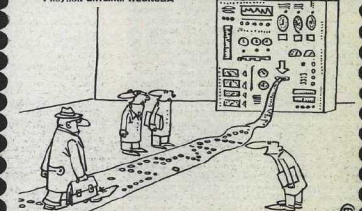

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Премии «Смены» за 1972 год присуждены:

Павлу БАГРЯКУ	— за фантастический детектив «Синие люди»	№№ 1—11.
Анатолию БАРАНОВУ	— за беседу с директором ВНИИ профтехобразования Н. И. Думченко «Вечный вопрос» и за статью «Большая дорога»	№№ 6, 16.
Адольфу ДИХТЯРЮ	— за очерк «Комиссар Ворожцов»	№ 11.
Валерию КАРАСЕВУ	— за иллюстрации к повестям Павла Багряка «Синие люди» и Джона Блабэрна «Ветер полуночи»	№№ 1—11, 17—18, 20—23.
Кириллу КОВАЛЬДЖИ	— за репортаж «Кодры»	№ 11.
Василию МИШИНУ, Алексею НИКОЛАЕВУ	— за фоточерк «Живая вода»	№ 9.
Светлане СОЛОЖЕНКИНОЙ	— за подборку стихов	№ 7.
Лине ТАРХОВОЙ	— за очерки «Обыкновенные истории» и «Ее шаги»	№№ 6, 17.
Сергею ТЮНИНУ	— за серию юмористических рисунков	№№ 2, 3, 19, 20, 21.
Борису ЧЕРНЯКОВУ	— за статью «Товарищи мои»	№ 14.

РЕДАКЦИЯ ТАКЖЕ
ОТМЕЧАЕТ
МАТЕРИАЛЫ СЛЕДУЮЩИХ
АВТОРОВ:

Игоря АМИНОВА — «Будет продолжен» (№ 9), Светлана БАРЧЕНКО — «Долгие дожди» (№ 15), Владимира ГЛОТОВА — «Шлины за черту» (№ 9), Владимир ГРЕДКО — «Поселковый вариант» (№ 13), Анны ДМИТРИЕВОЙ — «В ондатриной лавной победил» (№ 12), Евгения ЕРМСЕВА — «Перелом стихов» (мелкие новеллы), Василия ЖИЛЬЦОВА — «Гляди, гляди, сплавлялись победил» (№ 21), Ольга ЖОРЖА — «Атмосфера теории относительности» (№ 13), Еремии ЛАРНОВА — «Обсерватория за углом» (№ 21), Сергей ПЕТРУХИНА — «Кодры», «Горцы» (№№ 11, 22), Людмила ПЛЕШАНОВА — «Дороги Тюльмина» (№ 19), Александра ПРОХАНОВА — «Иртышский узел», «На Саянских широтах», «Горды» (№№ 19, 22), Эдуарда РОЗЕНТАЛ — «Облагодоброду» (№ 23), Виктора САКА — «Аэропорт», «Рядом с нами» (№ 16), Виктора СЛАВИНА — «Мастер и ученик» (№ 16), «Все было в одну тонну» (№№ 1, 17), Зориса ШОХИНА — «Всей жизни сватать» за сватом» (№ 15).

Павел БАГРЯК, Анатолий БАРАНОВ, Адольф ДИХТЯРЬ, Валерий КАРАСЕВ, Кирилл КОВАЛЬДЖИ, Василий МИШИН, Алексей НИКОЛАЕВ, Светлана СОЛОЖЕНКИНА, Лина ТАРХОВА, Сергей ТЮНИН, Борис ЧЕРНЯКОВ

Одиннадцать лучших дебютантов

Очередной чемпионат СССР по футболу назвал нам имена 77 новичков, дебютировавших в командах высшей лиги. Каждый из них, вполне достаточно для того, чтобы выбрать из числа обидящих самых лучших, самых достойных. Но дело в том, что больше половины дебютантов — молодые спортсмены, появившиеся на поле лишь в последние, за 15—20 минут до окончания матча. Со временем, такие выходы на замену вряд ли можно считать настоящим дебютом в большом спорте. Поэтому есть все основания отвести их дебютантам и тех, кто прошел начальную школу еще в прошлом сезоне, а теперь с полным правом занял место в основном составе своей команды.

Нужны очередной, добрый список лучших новичков в первом номере той, «Смена» намерена через несколько месяцев вернуться к своим лауреатам. С помощью тренеров и спортивных журналистов мы просидели за дашнейшей судьбой молодых спортсменов, чтобы на их примере естественнее обобщить на страницах журнала очень важную для советского футбола проблему воспитания достойной смены нашей спортивной гвардии.

ВРАТАРЬ
Юрий ДАРИН, «Спартак» Москва, 26 лет, см.гр. 22 метра, Награжден дипломом 3-й степени за участие в финале Кубка СССР. Выполнил норму мастера спорта.

ЗАЩИТНИКИ
Сергей КУЗНЕЦОВ, «Заря» Ворошиловград, 22 года, 26 матчей, 2 гола. Награжден золотой медалью чемпиона страны. Входил в состав сборной СССР. Выполнил норму мастера спорта.

Владимир МАЛЫГИН, «Заря» Ворошиловград, 34 года, 28 матчей. Награжден золотой медалью чемпиона страны. Выполнил норму мастера спорта.

Валерий ЗЕМЦОВ, «Спартак» Москва, 20 лет, 14 матчей.

Владимир БУТУРАЛИН, «Торпедо» Москва, 22 года, 21 матч, 1 гол. Награжден дипломом 1-й степени за победу в финале Кубка СССР. Входил в молодежную сборную СССР. Выполнил норму мастера спорта.

ПОЛУЗАЩИТНИКИ
Александр ДАМИН, «Динамо» Киев, 30 лет, 13 матчей, 1 гол. Входил в юношескую и молодежную сборные СССР.

Андрей ЯКУБИЧ, «Динамо» Москва, 22 года, 25 матчей, 6 голов. Входил в олимпийскую и молодежную сборные СССР.

Александр КОШЛАТЕНКО, «Днепр» Днепрпетровский, 31 год, 8 матчей, 1 гол.

НАПАДАЮЩИЕ
Олег ВЛОХИН, «Динамо» Киев, 20 лет, 37 матчей, 14 голов. Награжден серебряными медалями за второе место в первенстве Европы и чемпионате страны и бронзовой олимпийской медалью. Получил приз лучшего бомбардира сезона. Входил в первую олимпийскую и юношескую сборные СССР. Выполнил норму мастера спорта.

Виталий ТЕЛЛИНГЕР, ЦСКА Москва, 22 года, 22 матча, 6 голов. Входил в молодежную сборную СССР.

Юрий ЧЕСНОВ, «Доностав» Москва, 20 лет, 29 матчей, 6 голов. Входил в молодежную сборную СССР.

«Смена» поздравляет молодых спортсменов с успешным дебютом в большом футболе и желает им новых достижений в труде, учебе и спорте.

ДОЛЖНО. ПД

И НА СЛОВА И О-

ИЗ - НА П ТУТЕН, К О ПУТЕН ПУТЕН

ДУ - ТО НЕ МОЖУ, О - О КИ - ТО О - Е.

ДУ - У НАС ВО - ВО, ЧЕТ - ВО ВЕТЬ И

ДО - ИТ, ОА - ОТ С И - И НА ЗО -

И НА СЛОВА И О -

ИЗ - НА П ТУТЕН, К О ПУТЕН ПУТЕН

ДУ - ТО НЕ МОЖУ, О - О КИ - ТО О - Е.

ДУ - У НАС ВО - ВО, ЧЕТ - ВО ВЕТЬ И

ДО - ИТ, ОА - ОТ С И - И НА ЗО -

И НА СЛОВА И О -

ИЗ - НА П ТУТЕН, К О ПУТЕН ПУТЕН

ДУ - ТО НЕ МОЖУ, О - О КИ - ТО О - Е.

ДУ - У НАС ВО - ВО, ЧЕТ - ВО ВЕТЬ И

ДО - ИТ, ОА - ОТ С И - И НА ЗО -

НЕЗРИМЫЙ БОЙ

ПЕСНЯ ИЗ ТЕЛЕВИЗИОННОГО СПЕКТАКЛЯ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ»

Слова Анатолия ГОРОХОВА

Музыка Марка МИНКОВА

Наша служба и опасна и трудна
И на первый взгляд как будто не видна.
Если кто-то где-то у нас повор
Часто жить не может,
Значит, с нами была война незримый бой,
Так назначено судьбой для нас с тобой —
Служба дин и ночи.

Если где-то человек попал в беду,
Мы поможем, мы все время на посту,
Ну, а если вдруг кому-нибудь из нас
Тоже станет туго,

Что мы, друг друга выручим мы не раэ,
И не раз согрело нас в тихий час
Сердце, сердце друга.

Часто слышим мы упреки от родных,
Что работаем почти без выходных,
Что разлуки нескончаем период,
Встречи — невдалеке,
Только слово поднимает нас с зарей
И уводит за собой в незримый бой
Наше чувство долга.

И НА СЛОВА И О -

ИЗ - НА П ТУТЕН, К О ПУТЕН ПУТЕН

ДУ - ТО НЕ МОЖУ, О - О КИ - ТО О - Е.

ДУ - У НАС ВО - ВО, ЧЕТ - ВО ВЕТЬ И

ДО - ИТ, ОА - ОТ С И - И НА ЗО -

И НА СЛОВА И О -

ИЗ - НА П ТУТЕН, К О ПУТЕН ПУТЕН

ДУ - ТО НЕ МОЖУ, О - О КИ - ТО О - Е.

ДУ - У НАС ВО - ВО, ЧЕТ - ВО ВЕТЬ И

ДО - ИТ, ОА - ОТ С И - И НА ЗО -

КРОССВОРД

Составил Е. СТЕПОВОЙ,
г. Москва.

По горизонтали:

4. Форма государственного устройства.
7. Народность, населяющая национальный округ в СССР.
8. Река в Закавказье.
11. Город на Украине.
14. Представитель народности, населяющей автономную область РСФСР.
16. Государственный флаг.
17. Киргизский балет.
18. Поэт, член Академии наук Белоруссии.
19. Выдающийся оратор, публицист.
20. Народность, живущая на юге Кабардино-Балкарской республики.
21. Река на Украине.
23. Народная поэзия Литвы.
25. Коммунист, автор «Гимна демократической революции».
26. Народная писательница Латвии.
29. Город в Литве.
30. Народный художник СССР, автор картин «Прием в новосемье».

По вертикали:

1. Композитор, автор песни для детей.
2. Союзная советская республика.
3. Река в Узбекистане.
5. Народный поэт Башкирии.
6. Курорт в Читинской области.
9. Выбранный орган молковода, кооператива.
10. Бесклассовый общественный строй.
12. Русский критик, революционный демократ.
13. Столица автономной советской республики.
15. Город в Вологодской области.
16. Армянский писатель.
22. Река в Башкирии.
24. Город в Азербайджане.
25. Татарский просветитель-педагог.
36. Чувашский поэт-демократ.
27. Композитор, автор первой башкирской оперы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

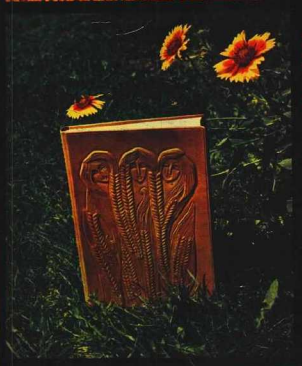
По горизонтали:

1. Башкирия.
2. Урты.
3. Якутская АССР.
4. Дельта.
5. Рема.
6. Курорт.
7. Голосар.
8. Самойл.
9. Рустин.
10. Гаус.
11. «Опел».
12. Огонь.
13. Гагит.
14. Аштанга.
15. Драга.
16. Терция.
17. Фармадей.
18. Плавильня.
19. Сергеева.
20. Васнецов.

По вертикали:

1. Шавердан.
2. Урты.
3. Якутская АССР.
4. Дельта.
5. Рема.
6. Курорт.
7. Голосар.
8. Самойл.
9. Рустин.
10. Гаус.
11. «Опел».
12. Огонь.
13. Гагит.
14. Аштанга.
15. Драга.
16. Терция.
17. Фармадей.
18. Плавильня.
19. Сергеева.
20. Васнецов.

КОЖА, ЯНТАРЬ, МЕТАЛЛ...

Выпускница Таллинского института искусств молодая эстонская художница Урво Варик еще на студенческой скамье избрала для себя традиционный в Прибалтийном крае искусство — искусствованную обработку кожи.

Урво Варик сама, естественным образом, сумела соединить современные стилизации и, по-прежнему являвшееся рисунком, с традиционными национальным архаизмом. Столь же традиционные сочетания тиснения по коже с янтарными украшениями Урво достигают новизны и оригинальности из металла, искусственным мехом и художественной вышивкой.

Работы эстонской художницы с успехом демонстрировались на выставках в Голландии, Риме, Москве, Осло, Праге и Лондоне.

Борис ЗАДВИЛЬ,
фото автора

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820